

Камень

Станислав
Минин

Книга десятая

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Станислав Минин
Камень. Книга десятая

«Автор»

2024

Минин С. Н.

Камень. Книга десятая / С. Н. Минин — «Автор», 2024

Продолжение приключений Алексей Пожарского на Лазурном берегу
Франции.

© Минин С. Н., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Станислав Минин

Камень. Книга десятая

Глава 1

– Молись на моего деда Николая! Это он попросил тебя не кончать.

В голосе русского колдуна, действительно владеющего стихиями и обладающего чудовищным по крепости доспехом, не слышалось и намека на раздражение, а сквозило ничем не прикрытое презрение, смешанное с равнодушием. Именно таким тоном разговаривал сам Филипп с теми, кому был вынесен смертный приговор, но король к этому тону стал прибегать только в зрелом возрасте, много повидав и много пережив, набравшись в достатке здорового цинизма. А вот где подобного опыта успел набраться молодой человек, которому не исполнилось еще и восемнадцать лет, оставалось загадкой...

Алексей схватил Филиппа за шиворот пиджака и куда-то потащил.

– А еще ты мне расскажешь, что за игры разума тут устроил с помощью стихий. Слышишь, Филипп? – Романов тряхнул его.

– Это тайна рода, – простонал король от боли, становившейся все сильнее и сильнее.

– Да мне наплевать! – молодой человек опять тряхнул его, и испанец закусил нижнюю губу. – Должок за тобой, твое величество. А я далеко не такой великодушный, как мой царственный дедушка. И еще, Филипп... О своих ощущениях во время нашей с тобой дуэли ты будешь молчать, даже родичам ничего не скажешь. Понял, что я имею в виду?

«Так это мне не померещилось! – король на некоторое время забыл про боль. – Но это же невозможно!...»

Внезапно Романов остановился и пнул Филиппа по правой ноге:

– Не слышу ответа, курва!

Боль от удара по сломанной конечности сменилась внезапно пришедшим страхом, практически мгновенно переросшим в УЖАС! Этот ужас был сродни первобытному, он быстро наполнил сознание испанца, заставив дрожать всем изломанным телом:

– Буду молчать! – прохрипел он, согласный в этот момент уже на все, даже на легкую смерть, и преданно уставился в глаза своему мучителю.

– Фу-у-у... – поморщился Романов.

Ужас постепенно сошел на нет, и молодой человек выдал на русском длинную непонятную фразу явно ругательного содержания, а потом вернулся на французский:

– Филипп, а ты молодец! Предусмотрительно темные штаны на дуэль надел... как чувствовал... – Рывок, и Романов поволок его дальше. – Как же воняет! Позорище какое! – молодой человек закашлялся. – Филипп, с твоего позволения я продолжу. Развяжешь язык, я сначала твоих родичей по одному начну кончать, заколебешься их хоронить... а потом и тобой займусь. Веришь?

– Верю! – опять прохрипел король, который и не сомневался, что этот бездушный монстр с легкостью выполнит все озвученное.

– А чтобы у тебя вредных иллюзий не возникало, – продолжал Романов, – ты вспомни мой последний разговор с господином Сфорца, свидетелем которого ты был совсем недавно, проанализируй на досуге реакцию святого отца и поблагодари даже не меня, а моего деда Николая за то, что род Савойских вообще до сегодняшнего дня дожил. Не слышу благодарности?!

– Спасибо...

– Вот молодец! Дедушке я твою искреннюю благодарность обязательно передам. И последнее, Филипп. Не вздумай возвращаться к себе в Мадрид, а лечись во Франции... Ска-

жем, где-нибудь недалеко от Монако, а я тебя буду навещать, – Романов ухмыльнулся. – Апельсины принесу с конфетами, соки с трубочкой, котлетки на пару, подгузники... Если все-таки решишь уехать... с Изабеллой что-нибудь обязательно случится. Что надо ответить?

– Останусь...

– Умнеешь на глазах, твое величество! – Романов опять ухмыльнулся. – В который раз убеждаюсь, что вам, аристократам оху@вшим, сразу надо руки с ногами ломать, родичей ваших раком ставить и только потом разговаривать. Да и то... – Молодой человек сплюнул. – Как же мне это все надоело, твое величество, ты бы знал! А что делать? Долг перед родиной и родом – он такой...

Уже в кузове квадроцикла, когда молодой человек двинулся вперед, Филипп, несмотря на вернувшуюся боль, с облегчением выдохнул, позволил себя быстро осмотреть и, не обращая внимания на возившихся со шприцами медиков, вслух проклял тот день, когда Виндзоры дали согласие на брак Изабеллы и Георга...

Первыми меня у шатров, естественно, встречали довольные Романовы. Обнявшись с ними со всеми, даже с бабкой, попал в объятия князя Пожарского, после которого меня перекрестил Святослав. С Прохором, Ванюшей, Владимиром Ивановичем, Алексеем Петровичем и всей нашей молодежью пообщаться не успел – ко мне уже спешили возбужденные царственные особы с наследниками, которые до этого ожидали в стороне.

– Алексей! – Улыбающийся король Франции распахнул объятия. – Дай я тебя поздравлю с такой убедительной победой! Ты сполна рассчитался за нашу общую обиду!

Обнимашки, впрочем, закончились довольно скоро – меня бесцеремонно развернули и продемонстрировали окружающим:

– Герой! – важно вещал Людовик. – Кроме того, герой, проявивший благородство и милосердие к врагу!

– Государь, – «засмушался» я, – не было там никакого благородства и милосердия, я просто выполнял приказ царственного деда... – И, воспользовавшись появившимся недоумением на лицах царственных особ, озвучил очередную дедовскую «заготовку»: – Так-то я бы Филиппа обязательно убил, за Ибицу он это вполне заслужил.

– Все равно герой! – нашелся Людовик и приобнял меня за плечи.

Царственные особы с наследниками продолжили дружно кивать и улыбаться, всем своим видом демонстрируя, что уж они-то в подобной ситуации тоже не стали бы сдерживаться, и я решил их «добить»:

– Государь, а что с обещанными черепами тех пятерых, напавших на нас в Сен-Тропе? Без них моя коллекция будет неполной.

Спрашивал я достаточно громко, и меня услышали все «заинтересованные» лица, в том числе и Романовы, стоявшие за моей спиной.

Под взглядами присутствующих продолжавший улыбаться король Франции ощутимо напрягся, прижал меня к себе еще сильнее и не очень естественно хохотнул:

– Все готово, Алексей, завтра тебе собирался вручать. Уверен, подарочная упаковка... презентов тебя не разочарует!

– Спасибо, государь! – я растянул рот в улыбке.

Среди напрягшихся представителей правящих родов наметилось движение, и вперед из второго ряда вышел дедушка Донни:

– Внучок, – американец был внешне серьезен, но моя *чуйка* свидетельствовала, что старик опять решил пошутить, – не мое дело лезть в твои личные увлечения... В конце концов, каждый волен сам определять, что ему коллекционировать: марки, там, машины, произведения искусства или женщин... Скажи мне одно: остальные экземпляры из твоей коллекции при жизни на плечах носили достойные враги?

– Более чем, дедушка Дон, – обозначил я поклон.

– Хвала Господу нашему! – С «облегчением» выдохнул он и перекрестился. – Может, и мне коллекционированием чего-то подобного заняться, а то скальпы мне изрядно приелись... – И без перехода: – Внучок, а я вообще-то разочарован исходом дуэли, и вам, Романовым, придется это изо всех сил исправлять!

– Дедушка Дон?! – я изобразил непонимание, а *чуйка* снова подсказывала, что сейчас последует очередная шутейка.

– Смотри сам, – старик нахмурился, – сначала мы с сыном планировали хорошенько отметить твою победу в Монако, а через несколько дней собирались отправиться в Мадрид на похороны Филиппа, тоже хорошенько погулять в нашей достойной компании, – он мотнул головой себе за спину. – Сейчас же, благодаря твоему благородству и милосердию, наш общий, – американец опять кивнул назад, – визит в Испанию отложен на неопределенный срок. Следовательно, Романовы должны устроить нам не один банкет, а целую развлекательную программу на Лазурном берегу. – Донни сначала подмигнул стоявшим за мной Романовым, а потом обернулся: – Братья, я прав?

Одобрительный гул был ему ответом.

Твою бога душу мать! Царственный дед молчит! И что мне отвечать?

– Уверен, дедушка Дон, мои старшие родичи что-нибудь обязательно придумают, – я опять обозначил поклон.

– Не сомневаюсь, – важно кивнул американец, а у меня появилось стойкое ощущение, что без деда Николая тут тоже не обошлось. – Братья, давайте уже отпустим нашего молодого героя и чуть позже выскажем все, что о нем думаем?

И под очередной одобрительный гул я кланяюсь, «вырываюсь» из объятий короля Франции и иду к молодежи.

На последовавшие поздравления с победой, восхищение моими боевыми навыками и проявленным милосердием отвечал вежливо, постоянно ожидая от друзей вопросов по поводу тех «психоделических» исполнений Филиппа со стихиями, однако соответствующих вопросов так и не последовало. Мне уже стало казаться, что со стороны никто так ничего и не заметил, пока импортные принцы с принцессами после объявления королем Франции начала банкета не отправились к своим старшим родичам, а стоящий рядом братец Александр не зашептал:

– Леха, а чего там Филиппок со стихиями вытворял? Тут многие всполошились, даже наши старшие родичи...

– Потом расскажу, – мысленно выдохнул я.

– Точно расскажешь? – Это был уже Николай, стоящий с другой стороны.

– Точно, – хмыкнул я. – Сначала только царственному дедушке доложить надо.

– А он все опять засекретит, – буркнул Коля.

Он говорил что-то еще, но тут все подняли бокалы в мою честь, и пришлось мне улыбаться, кланяться и благодарить за очередные теплые слова.

Где-то через час присутствующие «успокоились», разбрелись по компаниям, и меня наконец оставили в относительном покое. Молодежь вскоре тоже собралась вместе и потребовала от меня «отдельного банкета», желательно не в ставшем надоедать Монако. К варианту посещения очередного ресторана в Ницце с дальнейшим походом в ночной клуб молодые люди отнеслись со скепсисом, от предложения перелета в Рим меня натуральным образом перекосило так, что оба Медичи быстро отозвали свое предложение, а вот идея Стефании смотаться на сутки в Париж вызвала полное «единение в рядах», особенно со стороны наших девушек.

– Лешенька, – просяще улыбалась Демидова, – ты же дашь нам возможность посетить модные магазины, перед тем как мы окунемся в ночную жизнь французской столицы?

– В таком случае надо будет царственную бабушку с собой взять, – улыбался я в ответ. – Она нам всем не простит, если с нами не поедет.

Против такой «мощной» кандидатуры вслух возражать, понятно, никто не решился, однако лица всех без исключения присутствующих девушек демонстрировали такое разочарование, что пришлось «сдавать назад»:

– Хотя, если полетим только на сутки, бабушка сама откажется – визиты на высшем уровне, особенно когда старшие Бурбоны находятся в Монако, так не проходят.

– Именно! – важно кивнула Евгения, а остальные девушки заулыбались. Демидова же тем временем повернулась к Бурбон. – Стефания, а хотя бы примерная программа посещения Парижа у тебя в голове уже сложилась? – Все, мы нашим красавицам уже неинтересны, и слава богу.

Молодые люди тоже между собой стали обсуждать визит в столицу Франции, а экспертом выступил Джузеппе:

– Суток, конечно, нам будет маловато, – вещал многоопытный итальянец, – но при должном подходе и учитывая желание наших красавиц устроить себе шоппинг, мы с вами сможем посмотреть очень и очень многое...

Еще через какое-то время, когда обсуждение визита в Париж между молодыми людьми закончилось, Умберто Медичи отозвал меня в сторонку, а еще через тридцать секунд к нам присоединился Джузи с каким-то глянцевым журналом в руках.

– Алекс, посмотри...

Младший Медичи протянул мне журнал, оказавшийся проспектом итальянской верфи Baglietto с рекламным изображением одного-единственного ее продукта – красивой белоснежной яхты.

Первым моим желанием было заявить братьям, что больше я рекламой заниматься не хочу, но, сдержав себя, из вежливости продолжил листать проспект. Так, длина семьдесят метров, ширина четырнадцать с половиной, осадка четыре метра, максимальная скорость девятнадцать узлов, на шестнадцать гостей предусмотрены восемь кают. Роскошный интерьер, выдержанный в светло-коричневых тонах под цвет тиковой палубы, впечатлял своей гармоничностью и продуманностью, даже бассейн наличествовал вместе с вертолетной площадкой. Не меньшее впечатление производило и количество членов экипажа, требовавшихся для обслуживания всего этого пафоса, – целых тридцать два человека!

– Великолепная игрушка! – Я протянул проспект Джузеппе. – Очень красивая.

Братья переглянулись, и старший кивнул:

– Действительно, очень красивая яхта, спецзаказ, дизайн согласовывали с Савойскими – эта игрушка должна была пойти Изабелле в приданое, но, как ты понимаешь...

Меня начали терзать смутные сомнения...

– Алекс, – продолжил Умберто, – Савойские отказались от полного выкупа яхты, но солидный задаток остался у нас... Вот мы и подумали, что ты захочешь приобрести эту игрушку на память по очень хорошей цене...

– Сколько? – хмыкнул я, с удивлением понимая, что мне действительно этого хочется.

Доминируй, властвуй, унижай! Твою же!.. Докатился ты, Алексей! Вошел во вкус! Еще немного, и старшие родичи будут просто на тебя молиться!

– Шестьдесят пять миллионов рублей, – братья оживились, а Джузи добавил: – Алекс, ты не пожалеешь! Оборудование и интерьер на высшем уровне! Никаких гербов! Даже названия у яхты нет!

– Пять миллионов оставили на торг? – опять хмыкнул я.

– Чуть меньше, – улыбался Умберто, – но лично для тебя пусть будет шестьдесят миллионов.

– И яхту надо перегнать в Сочи вашими силами, – я протянул старшему Медичи руку. – И мне нравится в качестве названия для яхты «Виктория».

– Пусть будет «Виктория», – Умберто пожал мою руку.

Когда я обменялся рукопожатием с Джузеппе, довольные итальянцы в один голос заявили:

– Алекс, поздравляем с хорошим приобретением!

– Рад помочь! – не остался в долгу я.

Наша сделка не осталась незамеченной остальными молодыми людьми, и когда мы к ним вернулись, проспект с фотографиями яхты пошел по рукам.

– Леха, – Николай просто горел энтузиазмом, – теперь у нас появился законный повод почаще мотаться в Сочи! У нас теперь на Черном море будет собственная суперяхта!

– Не совсем так, Коля, – улыбался я. – Пойдемте, сейчас сами все поймете. – И указал в сторону старших родичей.

Романовы, стоявшие в обществе представителей дружественных правящих родов, наше приближение заметили, так что мне не пришлось ждать подходящего момента, чтобы вклиниться в разговор.

– Алексей, вы что-то хотели? – дед Николай обозначил улыбку.

– Да, государь, – я протянул ему проспект с фотографиями. – Я тут яхту по случаю купил. – И озвучил «причину» покупки.

– Действительно, памятное приобретение, – важно кивнул император, и его поддержали все остальные присутствующие. – Одобряю.

– Государь, – «засмутился» я, – мне бы, в свою очередь, хотелось подарить «Викторию» – так я яхту назвал – князю Пожарскому. Ты же не будешь против?

Все взгляды переместились на упомянутого князя, который продолжал стоять с благожелательным выражением лица и никак своей реакцией не показывал.

– А не жалко такой красоты, Алексей? – император потряс проспектом.

– Для деда Михаила ничего не жалко, государь, – продолжал «смущаться» я.

Хитро улыбнувшийся дед Николай на это заявил:

– Могу только поддержать тебя в этом прекрасном начинании! – он повернулся к князю. – Михаил, подойди, – а когда тот приблизился, продолжил: – Принимай подарок от внука! – И вручил тому проспект.

Дед Михаил наконец позволил себе изобразить на лице соответствующий моменту восторг, а когда мы с ним обнимались, старик не преминул тихонько высказаться:

– Лешка, подлец, да я же на содержании этой яхты разорюсь!

– Не смей меня, деда! – хмыкнул я. – И можно мы «Викторией» хоть иногда будем пользоваться?

– «Виктория» полностью в вашем распоряжении!

Полчаса было потрачено на очередные тосты в мою честь и в честь императора с князем Пожарским, сумевших воспитать такого любящего и заботливого внука, после чего молодежь опять решила избавиться от опеки взрослых, и мы удалились к свободному фуршетному столу.

Колю с Сашей я успокоил, передав им слова деда Михаила насчет пользования яхтой, и сразу их предупредил:

– Есть еще две крайне алчные особы, я имею в виду Марию с Варварой, так что... – и развел руками.

– С сестренками решим, – отмахнулись они, а Александр продолжил: – Кстати, эта яхта будет для нас отличным показателем, так ли нужны нам подобные игрушки на постоянной основе, или можно просто иногда сходить в море на обычном катере.

– Согласен, – кивнул Николай. – Игрушка-то недешевая! Обидно будет, если потом просто в марине сгниет.

Я не удержался:

– Слова не мальчика, но мужа! А там семьи, детки пойдут, служба, свободного времени не останется... Беда, короче...

– И не говори...

А еще через какое-то время меня в сторону отвела Соня:

– Алексей, я за тебя очень переживала, если хочешь знать! – заявила мне норвежка с легкой обидой.

– И ты была такая не одна, Сонечка, – вздохнул я. – Но если тебя это утешит, то мне очень приятно именно от тебя слышать... подобные слова поддержки.

– Ты не понял, Алексей, – обида не исчезла из голоса девушки, – особенно сильно я стала переживать, когда король Испании попытался что-то с тобой сделать с помощью своего доспеха.

– Своего доспеха? – напрягся я. – Объясни, пожалуйста, что ты имеешь в виду.

– За вашей дуэлью я, как и все остальные, наблюдала по мониторам, а когда Филипп начал что-то делать со стихиями и со всех сторон послышались возгласы про какие-то легенды, стало понятно, что тебе угрожает реальная опасность.

И норвежка уставилась на меня немигающим взглядом своих прекрасных глаз, ожидая ответа.

– Ну... – протянул я, – была там какая-то пульсация, но я не обратил на нее особого внимания.

– Врешь! – зашептала Соня. – Все ты почувствовал! Я за тобой *следила* и *видела*, как ты чуть не потерял сознание! И мне пришлось *вмешаться*!

– Что тебе пришлось сделать? – я просто охренел.

– Вмешаться! – буркнула она и внезапно опустила глаза. – Не уверена, что помогла... может, ты самостоятельно пришел в себя, но я старалась изо всех сил.

Твою же бога душу мать! Полный и законченный пиздец! Получается, я теперь Соне по гроб обязан? И плевать, что ее воздействие на меня было несильным, оно могло стать той пресловутой соломинкой, сломавшей хребет верблюду!

– Сонечка, – мой голос дрожал от волнения, – а как именно ты мне помогла?

– Твой доспех хоть и слабо, но начал сокращаться в унисон с вибрациями стихий Филиппа, и я попыталась эти сокращения остановить. Получалось плохо, и тогда я пустила уже свои вибрации в противофазу первым, и ты сразу пришел в себя.

Девушка улыбнулась, а я продолжил «допрос»:

– Ты можешь... лечить на расстоянии больше двух километров?

– Алексей, я могу лечить даже по фотографии, – хихикнула она. – А с тобой мне и фотография не нужна, твой образ у меня постоянно перед глазами. Только тс-с... – Соня приложила указательный пальчик к губам, – это еще одна большая тайна рода Ольденбургских!

Перемены в настроении норвежки явились для меня неким подобием холодного душа, и мои мозги заработали в «правильном» направлении:

– Сонечка, а ты Филиппа, случайно, не успела *посмотреть*?

– Ты имеешь в виду эти вибрации? – Она изогнула бровь, а когда я кивнул, продолжила: – Филипп что-то делал со своим доспехом, именно в такт ему вибрировали стихии. Больше ничего не разглядела, – она опять хихикнула, – все мое внимание было поглощено великим принцем Алексеем Романовым.

– Понятно, – протянул я.

И задумался, пытаюсь проанализировать произошедшее еще раз, но уже в свете информации, предоставленной девушкой.

– Сонечка, помнишь, я тебе говорил, что на самом деле представляет из себя великий принц Алексей Романов?

– С твоих слов выходило, что принц полный и законченный подонок, – девушка улыбалась. – И в чем-то я с твоим мнением согласна.

– К чему веду, – вздохнул я, – очень этому подонку хочется ввести тебя незаметно в транс и проверить все, что ты этому принцу наговорила.

Соня напряглась, побледнела, сжала кулачки, а в ее глазах появился страх:

– Алексей, ты вообще никому не веришь? – голос девушки дрожал.

– Даже себе, – кивнул я.

– Хорошо... – обреченно протянула она. – Если это необходимо, то делай... Но ничего нового ты не услышишь.

Твою же бога душу мать!!! Полный пиздец!!!

И как в омут с головой:

– Соня, не знаю, что надо говорить в таких случаях, особенно когда девушке всего шестнадцать лет, но не хотела бы ты выйти за меня замуж?..

Глава 2

Несколько тягучих мгновений ничего не происходило: девушка продолжала стоять с потерянным видом, потом, вздрогнув, уставилась на меня этим своим немигающим взглядом, в котором страх сменился робкой надеждой, и срывающимся голосом спросила:

– Ты не шутишь?

– Не шучу, – кивнул я. – Так выйдешь?

Соня стала меняться на глазах: горделивая осанка, голова чуть откинута назад, легкая, довольная полуулыбка, кулачки разомкнуты, а ладошки оправляют несуществующие складки на платье.

– Алексей, – никаких дрожаний в голосе норвежки уже не наблюдалось, – я в книжках читала и в фильмах видела, что, когда молодой человек делает предложение девушке, он обязан встать на одно колено и подарить своей избраннице колечко.

– Кольца нет, – вздохнул я, – будет только вечером. А на колено...

Надо, так надо... И попытался изобразить то, что тоже видел по телевизору, но был остановлен Соней:

– Алексей, я же пошутила! – фыркнула девушка. – А так, я согласна выйти за тебя замуж. – Она опять фыркнула и тут же добавила с хитрой улыбкой: – И не думайте о себе слишком много, молодой человек, уж лучше за тебя, чем за этих... – Соня кивнула в сторону нашей компании. – Это тебе за то, что хотел меня заколдовать.

– Извини... – только и нашелся, что ответить, я. – И что теперь? Что там дальше в книжках и фильмах было?

Я действительно совершенно не представлял себе, что теперь надо делать! Морды-то никому бить не надо, как и конечности ломать, а уж про допрос с пристрастием вообще промолчу... Сука, к такому жизнь меня точно не готовила!

Соня же, судя по моим ощущениям, просто наслаждалась ситуацией:

– А дальше, Алексей, жили они долго и счастливо! – сказала девушка на русском. – А так... Я должна завизжать от восторга и кинуться в твои объятия. Но я этого делать не буду, потому что очень на тебя зла!

– Извини еще раз, – вздохнул я. – Просто эта дуэль... навалилось еще всякое...

– Не из-за этого! А из-за того, что у нас с тобой даже ни одного свидания не было, вот почему! – Соня нахмурилась. – У меня вообще никогда ни с кем свидания не было! И я очень хочу на него сходить, чтоб все красиво и романтично, как в книжках и фильмах.

– Сонечка, можно тебя куда-нибудь пригласить? – тут же нашелся я. – Только не сегодня... Сама понимаешь, мне еще перед старшими родичами за дуэль отчитываться...

– А про свое предложение руки и сердца бедной девушке из Норвегии ты им рассказывать собираешься?

Соня явно продолжала «глумиться», пользуясь моей растерянностью, и мою попытку ответить пресекла, приложив пальчик к своим губам:

– Не спеши, Алексей. А поступим следующим образом. Мы сообщаем своим родичам о твоём предложении и о моей согласии, а дальше пусть они между собой договариваются. Судя по моим впечатлениям, неприятия наш с тобой будущий союз у них не вызовет. Что будем делать с молодежью? – Соня хихикнула.

– Пока молчим, – я с трудом улыбнулся.

– Я тоже так считаю, – кивнула девушка. – Иначе мне глаза выцарапают и волосы выдерут, а тебе опять придется вызовы на дуэль принимать. Хорошая у нас с тобой парочка получается, Алексей?

– И не говори, – хмыкнул я. – И еще, Сонечка... Я тебе говорил, что у меня в Москве девушка есть...

– И ты не намереваешься ее бросать, – норвежка посерьезнела. – Не собираюсь тебе читать лекции о морали, как не буду ставить и ультиматумов... Познакомишь меня с ней, когда я к тебе прилечу?

– Конечно, – взбодрился я.

И тут же приуныл: то, что Леська колдунья, Соня определит влет, а когда узнает, что моя девушка еще и дочь «страшного» Кузьмина, реакцию норвежки будет предугадать крайне проблематично! Везде засада!

– Что-то не так? – Соня продолжала меня читать, как открытую книгу.

– Не очень приятные воспоминания, – отмахнулся я, – не обращай внимания.

– Хорошо. Вроде все обсудили?

– Не все, но самое главное, – теперь я улыбался искренне, чувствуя, как меня начинает отпускать. – Если вечером не получится увидеться во дворце Гримальди, созвонимся и индиксказательно обсудим реакцию родичей. Договорились?

– Договорились, – девушка тоже улыбалась. – Рада, что ты наконец-то пришел в себя!

– А я-то как рад! Но ничего, Сонечка, вот увидишь, я найду способ *закрыться* от тебя! – не удержался от ухмылки я.

– А я, Алексей, найду способ снова тебя *видеть*! – не осталась она в долгу.

И уже когда мы возвращались к остальной молодежи, я подумал: «Чуйка и в этот раз, похоже, не обманула, и я сделал правильный выбор... Но почему нет особой радости? Может, позже?»

Наше с Соней возвращение к остальной молодежи прошло без особых эксцессов, только Демидова и Хачатурян уж очень пристально посматривали в сторону Ольденбургской, ведущей себя, как мне казалось, достаточно естественно. Остальные молодые люди к такому нашему с норвежкой общению за последние дни уже привыкли и никаких вопросов не задавали.

– Леха, – вырвал меня Коля из *созерцательного* состояния, в котором подозрительный я отслеживал *настроение* окружающих, – ты бы Маше с Варей позвонил, отчитался за победу на дуэли. А то сестренки ждут, сообщениями нас закидывают...

Твою же!.. Опять только о себе думаю, а о близких забываю!

– Спасибо, Коляшка! – поблагодарил я брата и обратился к молодежи: – Друзья! Прошу прощения, но вынужден вас покинуть – надо сестрам позвонить.

И Алексии тоже...

С Марией и Варварой я разговаривал на «свежем воздухе», отойдя от шатров метров на пятнадцать.

– Лешка, мы с Варей на тебя обижены!

Именно с этой фразы началось наше общение, и мне показалось, что я это недавно где-то слышал...

– Почему ты нам сразу не позвонил? – продолжила отчитывать меня старшая сестра. – Почему мы должны узнавать все подробности твоей дуэли от папы, бабушки и Коли с Сашей? Почему, Алексей?

– Ну простите меня, сестренки! – вздохнул я. – Меня до сих пор продолжают поздравлять – кое-как вырвался, чтобы вам позвонить.

– А кто уже успел наметить поездку в Париж? – тон Марии сочился ядом.

– Машенька, меня заставили... – «обреченно» протянул я и не смог удержаться от улыбки: – Да и в Париж мы летим всего на сутки.

– На целые сутки, братец! Это обойдется тебе еще в месяц нашего проживания в твоём особняке. – И без перехода: – Как ты себя чувствуешь, Леша?

Вот сейчас в голосе старшей сестры чувствовалась искренняя забота!

– Хорошо, Машенька, сильно напрягаться не пришлось.

В динамике раздалось какое-то шуршание, и разговор со мной продолжила Варвара:

– Лешка, почему ты эту тварь испанскую не завалил?

– Фи, Варенька, что за кровожадные мысли и тюремный сленг, совсем не красящие хорошо воспитанную девушку из приличного рода? – не удержался от ухмылки я.

– Бабушкино воспитание, – услышал я ответное хмыканье. – Да и влияние отца, старшего брата и их окружения сказывается на моей неокрепшей психике. Так почему?

– Царственный дедушка приказал Филиппка не убивать.

– Опять проклятые интриги! – разочарованно протянула Варя. – Зря мы тогда на Ибике какую-нибудь большую пакость испанцам не устроили! А я ведь предлагала! Как в воду глядела!..

И опять шуршание в динамике...

– Леша, – это уже была Мария, – не слушай эту кровожадную дуреху! Она уже и в лицее все подробности про Ибицу растрезвонила! А потом как с цепи сорвалась, начав устанавливать в своей параллели и в параллелях постарше свои порядки, заявив во всеуслышание, что настоящие патриоты просто обязаны пойти вместе с ней учиться в военные училища!

Вспомнив свою учебу в лицее, я мысленно улыбнулся и спросил:

– Авторитетом рода прикрывается?

– Какое там! Все сама! – в тоне Марии чувствовалась гордость за сестру. – Школота у нас сейчас чуть ли не строевым шагом ходит и усиленно грызет гранит науки, а администрация лицея была вынуждена организовать дополнительные часы на военку.

– Молодец какая!

Мы проболтали еще чуть-чуть, успев обсудить и поведение непоседливой Елизаветы, а когда закончили, я с нежностью подумал, что с сестрами мне тоже повезло: если Мария представляла из себя умную и хитрую интриганку и пошла явно в царственную бабулю и отца, то вот Варвара своей девичей прямолинейностью и жесткостью походила больше на царственного деда... А учитывая, что воспитывать старшую сестру уже поздно – ей скоро за Дюшу Долгорукого замуж выходить, средней сестре надо выделить как можно больше времени и поручить ее Прохору с Ваней – уж с ними Варя точно найдет общий язык, особенно после тех событий на Ибике!

Но это все мелочи – предстоял звонок Алексии, который я сознательно откладывал, потратив достаточно приличное время на общение с сестрами. А откладывал, потому что чувствовал себя по отношению к девушке самым настоящим предателем! Да, головой я понимал, что моя свадьба с представительницей древнего рода – это дело времени, но... Соня, если все сложится, будет пребывать в официальном статусе моей жены, а вот статус Алексии по сравнению с текущим точно понизится, и очень серьезно! И даже желание норвежки познакомиться с Лесей не внушало мне особого оптимизма – кто его знает, как девушки отнесутся ко всей этой двусмысленной ситуации? И мне придется метаться меж двух огней, потому как с Алексией я расстаться точно не готов! И с Соней, похоже, тоже... Короче, никогда такого не было, и вот опять...

– Лесенька, привет! – нарочито бодрым тоном заявил в трубку. – Со мной все хорошо, король Испании повержен, но остался жив!

– Лешенька, – девушка отчетливо всхлипнула, – ты не представляешь, как я за тебя волновалась! Слава богу, с тобой все нормально!

Из дальнейшего разговора выяснилось, что в курсе дуэли Алексию держала Мария – именно моя старшая сестра уже пару часов назад сообщила Лесе результаты дуэли, предупредив, что моего звонка скоро ждать не стоит, мол, меня там все будут поздравлять. Тут я в очередной раз почувствовал себя таким подопытным кроликом – сестренки снова безо вся-

ких зазрений совести сыграли на моем чувстве вины, добиваясь для себя неких плюшек на будущее. Обиделся ли я? Да несколько! Пусть упражняются, стервозы малолетние, в жизни пригодится, а я и так для них готов пожертвовать многим.

А Леся говорила и говорила, перескакивая с одной темы на другую, и я начал подозревать, что это у девушки нервное – все за меня переживают, ремонт в особняке ведется ударными темпами, сама Леся записала в студии очередной романс, с Лизой, Прохором и Виталькой все хорошо, а с матушкой Натальей они теперь практически подружки...

Я же, слушая эту милую болтовню, отдыхал душой, в очередной раз испытывая согревающую нежность, и Лесю не прерывал, только иногда обозначая свое присутствие в разговоре разным междометьями.

– Ой, заболтала я тебя, Лешенька! – наконец прервала она свой монолог.

– Ничего страшного, – бодро ответил я. – Время пока есть.

– Леш, я по тебе очень соскучилась! – И опять я услышал всхлип расчувствовавшейся девушки. – Возвращайся скорее!

– Уже скоро, Лесенька, – вздохнул я. – Потерпи еще чуть-чуть.

– Потерплю...

Трубку клал в расстроенных чувствах – меня ждет Алексия, а я тут, тварь такая, Соне предложение сделал! Сука ты, Алексей, а не матрос!..

Мне почему-то казалось, что старшие родичи потерпят и «допросят» меня в Монако, но я ошибся.

«Веселье» или «грусть-печаль» – у всех по-разному – по поводу моей победы в дуэли затянулись на импровизированном полигоне до трех часов дня. Но царственные особы и наследники не унывали – Гримальди торжественно пообещали собравшимся гостям незабываемый вечер в «Джимис» с приглашенными артистами и фееричным салютом.

Наша делегация, насчитывающая достаточно много представителей, покидала полигон одной из последних, и на стоянке получилась небольшая задержка, виновником которой стал мой царственный дед:

– Ваня, – обратился он к колдуну, – подгоняй свой уазик, мы с супругой, сыном и внуком с тобой поедем.

– Конечно, государь, – Кузьмин, довольный оказанной честью, метнулся к своему автомобилю.

Я же направился к императорской чете, подозревая, что из нас троих с Колей и Сашей дед все-таки имел в виду именно меня. И не ошибся...

«Допрос» начался сразу же, как только «гелик» тронулся с места, пристроившись в хвост своему брату-близнецу, на котором передвигались дворцовые. Сидя на переднем сиденье вполоборота, принялся рассказывать старшим родичам подробности схватки с Филиппом, «забыв» упомянуть одну деталь, которую решил проверить чуть позже. Доложился и о разговоре, состоявшемся после дуэли с испанским королем, и о моем ему приказе лечиться рядом с Монако.

– Молодец, внучок! – царственный дед, как и бабка с отцом, был очень доволен. – Ты был абсолютно прав, когда решил эту тварь выпотрошить на предмет этой ерунды со стихиями. А мы-то все думали, что это искусство давно позабыто.

– Что за искусство? – Я пока решил повременить с мнением Сони на этот счет.

– Инквизиция, Лешка, – дед нахмурился. – Дошли до нашего времени источники из тех времен, в которых упоминалась данная техника, применяемая для уничтожения колдунов и ведьм. Подробностей не скажу, может, Иван нам их поведаст?

– Только слышал краем уха, государь, – отозвался Кузьмин. – Но, как работает, не в курсе.

Тут влез цесаревич:

– У нас, благодаря Лешке, есть Филипп, который чуть позже и ответит на все интересные вопросы, так что давайте не будем гадать на кофейной гуще.

– И то верно, – кивнул дед. – Алексей, есть еще что добавить по этой теме?

– Соня мне тут кое-что рассказала... – и передал ощущения норвежки.

С минуту на заднем сиденье стояла тишина – старшие родичи молча, но очень многозначительно переглядывались между собой, пока наконец не решила высказаться бабка:

– Так это что получается, девка эта норвежская тебя спасла?

Ответить я не успел, вмешался дед:

– Ты, мать, говори, да не заговаривайся! Лешка же нам сам сказал, что в себя вернулся самостоятельно и никакой посторонней помощи не чувствовал. А эта Соня... Много чего эта Соня наговорить может ради своих корыстных интересов, сейчас уже не проверишь.

– Как не проверишь? – бабка явно была задета подобным выпадом супруга. – Лешка же тебе русским по белому сказал, что Соня была не против проверки. Считаю, проверку эту таким образом фактически и прошла. Да и внук людей насквозь видит. Лешка, ты веришь Ольденбургской?

– Верю, – кивнул я под пристальными взглядами всех троих старших родичей. – И уверен, что Соня спасла мне жизнь.

– Ну, внучок... – поморщился царственный дед. – Давай ты не будешь делать таких громких заявлений. Я прекрасно понимаю, что ты сейчас находишься в несколько... возбужденном состоянии, адреналин продолжает бурлить в крови, другие гормоны на мозги давят. Вот завтра, а лучше послезавтра...

Похоже, пора:

– Я сделал Соне предложение выйти за меня замуж, и она ответила согласием.

Машину ощутило повело в сторону, но Ванюша очень быстро справился с эмоциями и вернул «гелик» в левую полосу, а вот пассажиры на заднем сиденье информацию приняли гораздо ближе к сердцу: бабка нахмурилась, отец улыбнулся и ободряюще подмигнул мне, зато дед... На побледневшего императора было страшно смотреть!

– Чего ты сделал??? – заорал он, сжимая кулаки.

Все, приплыли! Пизда пришла Ваниному «гелику»! Без вариков!

– Сделал Соне предложение, и она согласилась, – спокойно ответил я и на всякий случай перешел на *темн*.

Царственный дед продолжал испепелять меня взглядом еще несколько секунд, а потом заорал, но не на меня, а на Кузьмина:

– Ваня, тормози!

От звука захлопнувшейся двери все оставшиеся в машине вздрогнули и продолжили следить через окна за императором, находившемся в крайне раздраженном настроении. А дед решил не стесняться и сбросить напряжение с помощью стихий: сначала его окружил плотный купол из гудящих огня с воздухом, потом по обочине прокатились несколько крупных водяных смерчей, а следом с грохотом взорвалась каменной крошкой небольшая скала слева от дороги.

– Держись, Лешка, – услышал я голос бабки, – сейчас тебя на высочайшую аудиенцию пригласят...

И действительно, дед *стряхнул* с рук огонь, развернулся всем телом к машине и поманил кого-то пальчиком. Этот кто-то вздохнул, открыл дверь и выпрыгнул наружу.

– С Богом, царевич... – услышал я громкий шепот Ванюши.

Следом за мной машину покинули и бабка с отцом.

Только сейчас я обратил внимание на рассредоточившихся по трассе дворцовых и валькирий, старательно делающих вид, что ничего не происходит, хотя моя *чуйка* подсказывала: все бойцы во главе с подполковником Михеевым находятся в состоянии повышенной боевой

готовности. В этом же состоянии были и остальные члены нашей делегации, а *облики* деда Владимира и деда Михаила так и вообще стремительно к нам приближались из хвоста колонны.

– Не до вас! – рявкнул царственный дед, глядя мне за спину. – Возвращайтесь в машину!

– Да, государь! – в один голос сказали вышеупомянутые лица.

А император опять уставился на меня тем бешеным взглядом:

– Ближе подойди, внучок! – И опять стряхнул с рук огонь.

Продолжил он только через минуту, все это время разглядывая меня с ног до головы, будто примеривался – с какой именно части моего тела начать изощренные пыточные мероприятия.

– Предложение, говоришь, сделал? – прорычал дед. – Предлагалка выросла? Сопляк! Все мне обговнял, подлец малолетний!

Я предпочел отмолчаться, но тут влезла бабка:

– А мне кажется, что получилось очень романтично, дорогой.

– Ты чего несешь, мать?! – От дедовского рыка заложило уши. – Что мешало внучку сделать все то же самое, но на пару-тройку дней позже, предварительно согласовав свои действия с нами? А я бы за это время так Ольденбургских обработал, что они!.. А что сейчас? Особенно в свете одиозной репутации внучка, способного пойти на все ради достижения своих целей? Да норвежцы с нас теперь столько лишних обязательств стрясут, заколебемся отмахиваться!

Бабку решил поддержать отец:

– Ольденбургские, уж если на то пошло, государь, в скором времени станут нам близкими родственниками и будут настроены на долговременное сотрудничество, а не на сиюминутный хапок – это во-первых. А во-вторых, мы сами Алексею в последнее время постоянно намекали на женитьбу, вот твой внук и решил взять ситуацию в свои руки, выбрав себе девушку по душе.

Дед покривился, но уже не рычал:

– Взял ситуацию в свои руки и похерил мнение родичей! А это абсолютно неприемлемо для будущего цесаревича и императора!

– Согласен, – кивнул родитель. – Но Алексея оправдывает то, что Соня его действительно спасла, а ты, отец, сам знаешь, как твой внук трепетно относится к подобного рода вопросам.

– Тем не менее! – дед начал опять заводиться. – А самое хреновое, что внук здесь сейчас стоит перед нами и не испытывает ни малейшего раскаяния! Вот ни капли! И вообще, мы должны выступать в подобных делах единым воспитательным фронтом, а вы с матерью, напротив, покрываете Лешку!

– Теперь и мы с мамой виноваты? – хмыкнул родитель.

– А кто? С вами будет отдельный разговор. – И император опять впери в меня тяжелый взгляд: – Ты это... К своей Соньке испытываешь только благодарность или что-то большее?

Своей Соньке? Похоже, стадии отрицания и гнева мы благополучно миновали и перешли к торгу...

– Что-то большее, деда.

– Ну, тогда есть шанс хоть на какое-то подобие счастливой семейной жизни. – Тяжелый взгляд сменился на подозрительный: – Внучок, а у тебя ума хватило сказать своей Соньке, чтобы о своих ощущениях и видениях даже родичам не болтала?

– Не подумал как-то... – помотал я головой.

– Ай молодец! – Деда чуть ли не трясло. – А если эта инфа через Ольденбургских где-нибудь всплывет?

Я растерялся, а нахмурившийся отец меня добил:

– Плохо дело! Получается, сынок, ты не совсем честно победил в дуэли...

– Все он честно победил, я не то имел в виду, – выдохнул император, заметно успокаиваясь. – Великий князь Алексей Александрович должен быть непобедим! Еще он должен вну-

шать ужас и трепет всем нашим недругам. А тут помощь от какой-то принцессы... Что же касается дуэли, то это Филипп первый нарушил ее условия...

И царственный дед поведал супруге и сыну подробности нашей стычки с папой римским на попытке примирения, особенно выделив при этом мое обещание не использовать колдунские приемы.

– Свидетелей обещания достаточно, – заканчивал дед, – и Филипп за свой косяк ответит перед родом Романовых отдельно. – И без перехода: – Все, пока закрыли тему, сейчас еще кое-то обсудим.

Император сделал шаг в сторону, вытянул руку в сторону Ваниного «гелика» и опять поманил кого-то пальцем. Через десяток секунд рядом со мной по стойке «смирно» стоял Кузьмин и преданно пожирал глазами главу рода.

– Ваня, поведай-ка... царевичу свои соображения по поводу отдельных проявлений его неприемлемого поведения, – протянул довольно-таки спокойным тоном дед.

– Есть, государь! – Колдун повернулся ко мне и продолжил насквозь уставным тоном: – Алексей Александрович, довожу до вашего сведения, что во время вашей недавней схватки с вражескими колдунами, вероломно напавшими на предполагаемого контролера, вы потеряли над собой контроль и полностью засветили весь свой потенциал перед условно дружественными колдунами, находящимися в данный момент в Монако. Уверен, все перечисленные лица уже доложили по инстанциям о примерном уровне ваших способностей. Алексей Александрович, прошу обратить ваше внимание на недопущение подобного впредь. От себя хочу добавить, что произошедшее стало возможно только по моей вине и только вследствие моих непростибельных промахов в вашем обучении. Готов понести любое наказание. – Кузьмин повернулся к императору: – Доклад закончил, государь!

– Спасибо, Ваня.

Властный жест рукой, и поклонившийся Кузьмин с заметным облегчением удалился в сторону машины.

– Что скажешь, внучок? – хмыкнул царственный дед.

– Виноват, государь, – вздохнул я. – Все было во сне, да еще и неожиданно, вот и не озаботился защитой...

– А должен был! Хоть во сне, хоть наяву! И на Ванюшу не обижайся, это он предложил Шуре тебя не расстраивать указанным промахом до твоей дуэли. – Дед опять хмыкнул. – Чувство собственного величия ослабевает?

– Ослабевает... – не стал отрицать я верно подмеченную тенденцию.

– Надолго ли? – И снова это обидное хмыканье. – Короче, боец, это не залет, это целых два залета. Согласен?

– Отрицать не буду...

– Арест на гауптвахте продляю до тридцати суток. Возражения?

– Так-то по-божески, – не удержался от «шпильки» я.

Дед, судя по всему, сдержал себя из последних сил, часто задыхался и в конце концов выдал:

– Горбатого только могила исправит! И чтоб мои глаза тебя до вечера не видели!

Намек я понял правильно, рысью метнулся в хвост колонны и напросился в микроавтобус с частью нашей молодежи. На вопросительные взгляды друзей пожал плечами:

– Слегка накосячил, вот дедушка и осерчал... Отделался сравнительно легко – государь вlepил всего-то тридцать суток кремлевской губы...

Запись нашей с Филиппом дуэли, уже гулявшая по «паутине», отвечала всем канонам блокбастера: съемка велась с разных ракурсов, как с обычных камер, так и с дронов, наличествовали замедления, приближения, раскадровка и другие художественные приемы. К звуковому сопровождению в виде завывания ветра, гудения огня и грохота земли вообще претензий не было, хотя лично я бы вставил фоном какую-нибудь тревожную музычку. Однако запись была изрядным образом отредактирована – в ней присутствовала лишь первая половина поединка, где я весь из себя грозный и двоящийся манипулировал тремя стихиями: огнем, воздухом и водой, – а потом оказывался на полпути к испанскому королю. После чего без перехода шел самый конец дуэли, когда я, размазавшись от скорости, ломал Филиппку конечности и хватал за горло. Часть, где испанец начинал устраивать «игры разума» с помощью стихий, в запись, отредактированную французами, не вошла. Заканчивалась видяшка весьма позитивно: великий князь Алексей Александрович тащит короля Испании Филиппа за шиворот к медицинскому квадроциклу, отмахивается от гольфмобиля, должного довести молодого человека до его родичей, и продолжает неспешно шагать к раскинутым шатрам.

Появились и небольшие статьи в изданиях разных стран, все как одна восхвалявшие милосердие русского принца, однако официального пресс-релиза пока не было, а из намеков Ани Шереметьевой я понял, что он появится ближе к ночи.

Учитывая пожелание царственного деда не попадаться ему на глаза, я напросился в номер к Прохору, Ванюша Кузьмин увязался за нами. Во время моего рассказа о последних событиях воспитатель хмыкал и кряхтел от переполнявших его эмоций, но комментировать не решился.

– Проблема на контроле государя с государыней и цесаревича, пусть они и разбираются, – отмахнулся Прохор. – А мне сегодняшнего представления на трассе надолго хватит, и не мне одному. Только сынке моему все нипочем, – вздохнул он, – как с гуся вода! Отряхнулся и пошел дальше, весело насвистывая мотивчик популярной песенки.

Я улыбался:

– Прохор, если ты не заметил, отец с бабушкой на моей стороне.

– Так-то и государь на твоей стороне, – буркнул воспитатель. – Но существуют правила, которыми следует руководствоваться, Лешка, а ты прешь напролом и не желаешь поступать по-человечьи.

– Согласен с Петровичем, – хмыкнул Ванюша. – Но и царевич – красавчик: старшие родичи еще десять раз могут передумать, а такую роскошную девку ему упускать было никак нельзя.

Прохор на это только махнул рукой, а Ваня продолжил:

– Царевич, отец родной! Ты же научишь меня потом сопротивляться этому богомерзкому воздействию, которое использовал сегодня Филипп?

– Сам освою и тебя научу, – кивнул я.

– И это, царевич... – Ванюша огляделся по сторонам, а потом еще раз проверил работоспособность устройства, стоявшего на журнальном столике. – Надо Савойских после дознания валить! Без вариантов! Весь род валить наглухо! И их мелких выбл@дков тоже, чтобы эта зараза снова по Европе не распространилась! Готов лично всех этих тварей исполнить.

Я перевел взгляд на Прохора, который кивнул:

– Олегыч прав, России такой геморрой не нужен.

Кивнул и сам:

– Согласен...

И прикинул, сколько мне еще предстоит вынести подобных приговоров и сколько исполнить лично...

– А я не знаю, что мне с ним делать! Как мне с ним бороться?

Император уже рассказал о произошедшем младшему брату и лучшему другу о выходке внука и ожидал их реакции. Великий князь решил пока промолчать и глянул в сторону князя Пожарского, который осторожно протянул:

– Коляшка, может, ты в очередной раз сгущаешь краски?

– Краски сгущаю?

Император внезапно скинул пиджак, закатал рукав рубашки и продемонстрировал здоровенный синяк на правом предплечье:

– Это внучок меня осаживал на примирении, когда эта тварина Сфорца выступать начал! Я думал, Лешка мне руку ломает! А я, между прочим, в доспехе был! Лешка этот мой хваленый доспех, как бумагу, промял и даже не напрягся!

– А чего там Сфорца выступать начал? – озаботился Владимир.

Выдав подробности, император раздраженно спросил:

– Теперь понимаете, что я имею в виду? Плевал Лешка на всех этих королей, императоров и пап с Пизанской башни! И они, что характерно, такое его отношение к ним чувствуют, но почему-то принимают как должное! А что будет с Лешкой дальше? Думал этим летом его отправить в Московскую гарнизонную прокуратуру на практику, а теперь сомневаюсь – здесь он с царственными особами со всего мира накоротке общается, а в прокуратуре будет обычному следаку или помощнику прокурора подчиняться? Как бы не вышло очередного позорища, сродни тому, что случилось в родном училище...

– Коляшка, не наговаривай на внука! – достаточно жестко заявил князь Пожарский. – Себя-то вспомни! Ты училище заканчивал уже в качестве цесаревича, а потом еще в этом качестве в гвардии служил. Опозорил ты род? И я не имею в виду наши общие мелкие забавы.

– Не было такого, – буркнул император.

– Вот и о Лешке так не думай! И не отправляй внука этим летом в прокуратуру, пусть лучше нормально где-нибудь отдохнет. Тем более производственная практика у него будет только после второго курса, а там, глядишь...

Тут решил вмешаться Владимир:

– Коляшка, Мишаня прав, на Лешку и так много свалилось, а ты на него все давишь и давишь. Ослабь поводок, дай молодому человеку хоть капельку свободы. А то получится как с училищем.

– И эти туда же... – опять буркнул Николай. – Ладно, хоть выслушали.

– Обращайся! – хмыкнул Пожарский. – Когда собираешься с Ольденбургскими о свадьбе сговариваться?

– Не сыпь мне соль на рану! – буквально взвыл император, не удержался и захохотал: – Вот же Лешка, пиздюк малолетний! Все равно сделал по-своему!..

Кардинал Римской католической церкви вот уже минуту крушил мебель в своем кабинете, а облегчение все не наступало. Доломав старинное кресло, он понял, что впустую тратит время – только мучения другого человека смогут компенсировать те оскорбительные выражения, которые по телефону позволил в его адрес папа Франциск.

Своего секретаря кардинал трогать не стал – тот был хоть и слегка туповат, но исполнительен, постоянных обитателей Апостольского дворца тоже трогать не стоило, а вот...

Хозяин кабинета выдохнул, подошел к окну и взглянул на площадь Святого Петра.

– Этот вполне подойдет... – пробормотал он и *потянулся* к намеченной жертве.

Молодой человек упал на мостовую и забился в конвульсиях, напоминавших эпилептический припадок, а кардинал расслабился – удовольствие от мучений жертвы, от ее беспомощности и боли в угасающем разуме было сродни оргазму, но гораздо сильнее и ярче!

– Теперь это личное, принц, – кардинал счастливо улыбался. – Теперь личное...

Глава 3

Кузьмин, которому, казалось, все было нипочем, своими веселыми историями развлекал нас с воспитателем до самого вызова на ужин, так что в номер Романовых мы с ним и Прохором поднимались в достаточно приподнятом настроении.

– Царевич, – придержал меня колдун на выходе из лифта, – ты это... Короче, сделай так, чтобы Леська от тебя узнала о предстоящей свадьбе, а не от кого-нибудь постороннего. Сам понимаешь, это и в твоих интересах тоже.

– Постараюсь, – кивнул я, признавая правоту Ванюши. – С отцом порешаю, он подскажет, как правильно это сделать.

В самом номере, как и в прошлый раз, был накрыт большой стол, а моя попытка проскользнуть вместе с Прохором и Ванюшей в конец была решительным образом пресечена царственным дедом:

– Куда собрался, внучок? – с легким намеком на рычание поинтересовался он у меня. – Вон туда садись. – Император указывал на свободный стул между цесаревичем и князем Пожарским.

И у меня возникло стойкое ощущение, что воспитательный процесс, начатый сегодня днем на трассе Ницца-Монако, может, не прямо сейчас, но обязательно продолжится.

Час мы потратили на прием пищи и светские разговоры, касающиеся моей дуэли с Филиппом. Поздравления и тосты закончились аккуратно тогда, когда официанты вынесли грязную посуду, оставив на столе бутылки со спиртным, бокалы, фрукты и легкие закуски. Оглядев присутствующих, царственный дед многозначительно посмотрел на подполковника Михеева, который кивнул и демонстративно достал из кармана пиджака уже знакомую глушилку с горящим индикатором и положил ее перед собой.

– Итак, мои дорогие родичи, – хмыкнул император, – сегодня у нас случилось еще кое-что...

И он поведал во всех подробностях о моем предложении Соне и об обстоятельствах, предшествующих этому знаменательному во всех смыслах событию.

Как подсказывала *чуйка*, из всех присутствующих не в курсе озвученного были только Коля с Сашей и Владимир Иванович, и если последний информацию просто принял к сведению, не забыв мне подмигнуть с довольным видом, то оба брата-акробата испытали самый настоящий восторг, о чем и не преминули сообщить:

– Леха, ты красавчик! Такую девку отхватил! И нам теперь не так обидно жениться будет!

– Цыц! – Император опять изобразил что-то отдаленно напоминавшее рык. – Ишь, раздухарились, женишки! А вы подумали, в какое положение меня Алексей перед норвежцами поставил? Как я теперь с ними сговариваться буду на выгодных для нас и империи условиях?

– Деда, чего ты, в самом-то деле? – хмыкнул Александр. – Ты же у нас самый умный, самый хитрый и самый прожженный из царственных особ, присутствующих сейчас в Монако! Придумаешь что-нибудь.

За столом раздались сдавленные смешки, а император делано нахмурился и важно кивнул:

– Прожженный? Что есть, то есть, отрицать не буду... Но было бы намного проще, если бы ваш брат сначала думал головой, а уж потом другим местом.

– Деда, – влез Николай, – а что там с этими способностями Сони? Несколько непонятно...

– Иван Олегович, – император перевел взгляд на Кузьмина, – опиши способности норвежской принцессы более предметно, а потом озвучь выгоды рода от приобретения... знахарки такого высокого уровня.

Что характерно, колдун не стал упоминать о большой вероятности рождения у нас с Соней детей с колдунскими способностями, как это случилось у самого Кузьмина с его супругой Натальей, и о том, что норвежская принцесса фактически «читала» окружающих ее людей. Но и сказанного присутствующим хватило за глаза – дед Владимир многозначительно переглядывался с дедом Михаилом, царственная бабка улыбнулась с загадочным видом, видимо, прикидывая, как она омолодится еще и с помощью Сони, а Коля с Сашей так и вообще заявили в один голос:

– Круто! У нас будет собственный семейный доктор!

Твою же!.. И опять в роду потребительское отношение зацветает пышным цветом! Такими темпами они и Соню, как меня, быстро к «делу» пристроят!

– Дорогие родичи! – поднялся я, а стул громко заскрипел по мрамору пола. – Все вопросы по поводу способностей моей будущей жены будут решаться только через меня! И никак иначе!

За столом повисло молчание, нарушил которое царственный дед:

– Иначе что?

– Все будет зависеть от степени вашей наглости и от того, насколько это будет мешать моей личной жизни, – буркнул я. – А теперь хочу обсудить другой не менее важный вопрос, касающийся не Ольденбургских, а Савойских.

Подвинув стул, уселся и уставился на царственного деда. Тот покривил губы:

– Что там с Савойскими?

– Считаю, что после того, как я вытрясу из Филиппа всю информацию об этой их технике, способной противостоять колдунам, весь его род надо валить, чтобы зараза снова не распространилась по Европе. – Я практически слово в слово повторил то, что сказал мне ранее Кузьмин в номере Прохора. – Готов исполнить все лично, результат гарантирую.

Теперь тишина за столом была несколько зловещей, и если старшие Романовы мужского пола с князем Пожарским смотрели на меня с угрюмым неодобрением, а Коля и Саша, наоборот, с восхищением, то вот в глазах царственной бабки читалось плохо скрываемая кровожадность. Именно она и решила высказаться первой:

– Дорогой, может, действительно так и поступить, а не заморачиваться с той интригой, которую мы замыслили ранее?

Император фыркнул, вскочил и принялся вышагивать туда-сюда, потом остановился и рявкнул:

– Белобородов!

– Слушаю, государь! – Стул Прохора улетел в сторону, а сам он вытянулся, пожирая преданным взглядом главу рода.

– Ты мне кого из внука воспитал? – заорал дед. – Полную и законченную отморозь? Маньяка, который только и может силовыми методами вопросы решать? На все у внука один ответ – валить надо! А потом черепа в коллекцию! Белобородов, как мы тебя теперь допустим к воспитанию остальных наших внуков? И Варвара тому самый яркий пример! У девки совсем крышу снесло после общения со старшим братом, тобой и Ваней Кузьминым! – Дед шумно выдохнул и опять рявкнул: – Кузьмин!

Стул под вскочившим колдуном хоть и качнулся, но не упал.

– Ты, Ванюша, тоже на подростка не самым лучшим образом влияешь! – продолжил надрывать император. – Особенно твоя неспособность подчиняться, если человек не является для тебя авторитетом! Здесь вы с твоим любимым царевичем прямо нашли друг друга! И с цесаревичем тоже! – Дед уставился на сына, и последний под этим тяжелым взглядом медленно поднялся. – Да, Саша, именно при твоём попустительстве и покровительстве эта троица всюю и резвится!

Родитель поморщился:

– Резвятся двое: Лешка и Ваня, – а вот к Прохору претензий нет. И да, я их покрываю, потому что...

– Молчать! – рыкнул дед, а отец только вздохнул. – А началась вся эта вольница еще тогда, на войне, когда спецгруппу, состоящую из великих князей и сотрудников Тайной канцелярии, себе под крылышко пристроил генерал Пожарский!

Дед Михаил под тяжелым взглядом императора тоже поднялся, но глаз не опустил. Царственный же дед продолжил:

– Белобородов со своей невестой и Кузьмин с женой китайцев резали в тылу противника, Пафнутьев устраивал кровавые допросы с пристрастием в нашем расположении, для разнообразия периодически присоединяясь к упомянутым коллегам за линией фронта, а мои сыновья этими процессами успешно командовали, принимая в *кровавых забавах* самое деятельное участие! Генерал же Пожарский прикрывал спецгруппу на всех уровнях, потому как наш генерал относился и относится до сих пор к обоим великим князьям как к сыновьям, а они к нему – как к любящему родителю! И все у вас было шито-крыто, пока не случилось... – дед осекся, а через пару мгновений продолжил: – То, что случилось... И тут у Белобородова с Кузьминым окончательно сорвало колпаки! Зверства в тылу противника и в нашем расположении приняли такой чудовищный размах, что даже мне пришлось реагировать. Тут еще Кузьмин на всех обиделся и дезертировал... Мишаня, – император с кривой ухмылкой смотрел на князя Пожарского, – что ты сделал с теми военными прокурорами, которых я послал по душе своих сыновей и канцелярской спецгруппы?

Дед Михаил пожал плечами:

– Отправил в тыл к китайцам со спецназом Корпуса, чтобы у них иллюзий не было по поводу того, что именно из себя представляет настоящая война.

– А командиром у жандармского спецназа ты кого поставил?

– Витальку Пафнутьева...

– А в заместители кого ему воткнул?

– Великого князя Николая Николаевича.

– А Вова Михеев как в этой группе оказался? – Император указывал на смутившегося подполковника.

– В качестве адъютанта Николая.

– У заместителя командира разведывательно-диверсионной группы собственный адъютант? Оригинально!

– Забота о безопасности Романова, государь, – ровным голосом ответил князь. – Вовик работал по профилю.

– Понятно... – Было видно, что император начал потихоньку успокаиваться. – И что, Мишаня, показали вы там прокурорским, что такое настоящая война?

– Конечно, государь, ты же сам потом подписывал наградные листы на Белобородова и Пафнутьева с отдельной визой прокурорских... И даже на дезертировавшего Кузьмина... за его прошлые заслуги, которые никто не собирался умалять.

Император в очередной раз хмыкнул, а потом заорал:

– А ничего, что ты эту группу кинул в самое пекло? И выжила эта группа только благодаря грамотным действиям Пафнутьева, специфической подготовке жандармов и стихийной мощи Коли?

– На то и был расчет, государь, – Пожарский обозначил поклон. – Хочу напомнить, государь, что именно после этого рейда я посоветовал тебе обратить внимание на главного среди твоих прокурорских ревизоров, старшего советника юстиции Вонцовского, который на сегодняшний день дослужился до главного военного прокурора империи.

– Который после тех событий тоже тебя почитает за отца родного! – император заметно сбавил тон. – Прямо культ личности какой-то сделали из нашего генерала Пожарского! Везде

у нашего князя дружки, должнички, давние приятели с сослуживцами! Всю империю окутал своей сетью, а сам сидит в центре, как тот паук, и ловит малейшие колебания нитей! Никакой контрразведки не надо с нашим генералом Пожарским! У него везде свои людишки есть, которые предупредят, ежели что! А с внуком наш геройский генерал справиться не может! А тот внучок творит что захочет!

Князь откашлялся:

– Государь, при всем уважении! Во-первых, в ситуации с Савойскими внук лишь предложил самое эффективное решение проблемы, исходя из имеющейся у него информации и наличных средств воздействия; а во-вторых, по характеру и темпераменту Лешка является полной твоей копией, вот вы с ним постоянно и грызетесь. И последнее, государь, – таких воспитателей, как Белобородов, надо еще поискать. Доклад закончил.

Князь, не дожидаясь разрешения, уселся обратно под раздраженным взглядом императора, который через какое-то время опять фыркнул:

– Не зря мой покойный отец тебя, Мишаня, заставлял за нами с Вовой приглядывать... Умеешь ты парой фраз все по местам расставить. Белобородов!

– Слушаю, государь!

– Прими извинения, погорячился. Присаживайся. – Император перевел взгляд на колдуна: – Кузьмин, мы следим за тобой! Денно и ночью. Присаживайся. И ты, Саша... А ты, Лешка, – царственный дед заметно успокоился, – забудь пока про массовый геноцид Савойских, мы с ними по-другому вопрос попытаемся решить. И прошу тебя, – он поморщился, – нет, умоляю, никаких *резких* движений и в отношении испанцев, и кого-либо еще без согласования с нами.

– Постараюсь, государь, – кивнул я.

– Ладно, идем дальше...

Дальше разговор за столом пошел про взятые Романовыми обязательства по развлечению присутствующих в Монако царственных особ, а я в очередной раз удивился тому, как царственный дед взбодрил всех за очень короткий промежуток времени. И, что характерно, никто на него не обиделся! Даже я: подумаешь, полная отморозь и маньяк – из уст императора это звучало чуть ли не комплиментом.

А что касалось развлечений, то, как я и предположил сегодня на полигоне после согласованного с Романовыми *выступления* дедушки Донни, в Ниццу ночью должны были прилететь артисты Большого театра – чем еще мы могли удивить погрязшую в просвещении Европу с этим ее провокационным искусством, восхваляющим в том числе и однополую любовь? Не цыганами же с медведями? И тут же загрустил, потому как не относил себя к любителям оперы и балета от слова совсем. Но лучше я на классику схожу, чем на дипломированных содомитов смотреть буду. Что же касается содомитов...

Внезапно перед глазами встала картина из петушарни под названием «Дебют», которую мы совсем недавно посещали с подачи наших девушек, – пляшущие на сцене трансвеститы, манерные особи обоих полов у стойки бара, сальные анекдоты, «проникновенное» исполнение «Позови меня с собой»! А ведь среди посетителей этой петушарни мои братья опознали кучу балерин и балерунов из Большого, и все эти содомиты прилетят сегодня ночью в Ниццу и, к гадалке не ходи, воспользуются оказией, чтобы в толерантной Европе в очередной раз и себя показать во всей красе, и на таких же, как они, гомосексов посмотреть! Стоит кому-то из них где-то засветиться, и вся эта грязь тут же окажется в бульварной газетенке рядом с очередной статьей обо мне! Сука, не бывать такому! Надо с отцом поговорить, пусть распорядится, чтобы с артистами специально обученные люди соответствующую беседу провели!

Дальше за столом речь пошла про целую команду поваров, прилетавшую с артистами, – часть из них должна была с завтрашнего дня готовить в Монако, знакомя царственных особ с кухней народов Российской империи, то же самое предполагалось и в Ницце, в театре во

время представлений, и в нескольких обычных палатках на Английской набережной. Понятно, черной и красной икры, а также редких видов даров моря повара должны были взять с собой без счета. Вот эта новость вызвала во мне самый живой отклик – несмотря на недавний ужин, сразу захотелось наваристого борща с пампушкой и тарелкупельменей со сметаной!

Когда царственный дед объявил, что ужин закончен, я перехватил направившегося на второй этаж родителя и отвел его на балкон:

– Отец, у меня две проблемы нарисовались. Первая: надо бы сделать так, чтобы Алексия узнала о моей предстоящей свадьбе от меня, а не от кого-нибудь левого.

– Ты точно с Соней все решил? – родитель хоть и улыбался, но его глаза в этом процессе не участвовали.

– Точно, – кивнул я. – Никаких сомнений.

– Хорошо, Лешка, я дам тебе знать, когда будет можно. Какая вторая проблема?

– Надо Соне кольцо подарить.

Родитель хмыкнул:

– Соображаешь, сынок, в этом случае обычной поделкой не обойдешься, а то невеста обидится. И это тебе не ко мне, а к бабушке. Поверь, лучшего специалиста тебе не найти.

– А без бабушки никак? – поморщился я.

– Лешка, ты вообще ничего не забываешь? – И опять эта улыбка, глаза в которой не участвовали. – Не пора ли зарыть топор войны? Тем более бабушка давно осознала свои прошлые ошибки и уже не раз отметилась деятельным раскаянием.

– Надо бы простить, да душа как-то не лежит... – вздохнул я. – Никак себя пересилить не могу. Но если ты считаешь, что... то я, пожалуй, воспользуюсь твоим советом.

– Уверен, бабушка сделает все по высшему разряду, – родитель хлопнул меня по плечу. – Шагай уже, женишок, и считай, что мое благословение на брак с этой твоей Соней получил.

– Спасибо, отец! – Но с балкона уходить не спешил. – И последнее. Хочу завтра с тобой, Прохором, Ваней, Колей и Сашей ненадолго выйти в море на «Звезде».

Заметив недоумение на лице родителя, поспешил добавить:

– Могу я, в конце концов, позволить себе хоть какую-то блажь в свете последних событий?

– Пожалуй, можешь, – хмыкнул отец. – Подробности озвучишь?

– У меня пока только догадки в отношении одной ерунды, вот в открытом море их и проверим.

– Договорились, – кивнул родитель. – Экипажу «Звезды» соответствующие распоряжения отдам. Это все?

– Все, – кивнул я. – Хотя... – И передал свои опасения по поводу поведения артистов.

– Принято, – вздохнул отец. – А мы как-то этот аспект гастролей Большого упустили...

Внимание злобной бабули, что-то оживленно обсуждавшей с супругом, дедом Владимиром и дедом Михаилом, я привлек нехитрым способом: встал неподалеку от компании старших родичей, уставился на императрицу и принялся тяжело вздыхать. Один брошенный в мою сторону взгляд, другой, и:

– Чего ты меня разглядываешь, Лешка? – не выдержала и подошла ко мне старушка. – На мне узоров нет, и цветы на мне не растут! Что случилось?

– Прошу прощения, что отвлек, но... Соне сегодня на эмоциях обещал кольцо преподнести и только сейчас понял, что по такому случаю ширпотреб не дарят, – «повинился» я. – Бабушка, зная твою страсть к разным там дорогушким побрякушкам, решил этот вопрос согласовать с тобой.

– Дорогушким побрякушкам? – она изогнула бровь. – Что бы ты понимал в произведениях ювелирного искусства, внучок! И вообще, вернемся на родину, я к тебе человека понимаю-

щего приставлю, чтобы он хоть азы этого искусства в твою голову вбил. А то стыдно, право слово, великий князь, будущий император, а в драгоценностях не разбирается!

– Что есть, то есть, бабушка, – я развел руками. – Твой внук больше по силовым акциям специалист... Завалить там кого-нибудь, припугнуть, в чувство какого зарвавшегося паскудника привести...

– Специалист по силовым акциям? – хмыкнула она и опять изогнула бровь. – Тебе, внучок, эти силовые акции еще надо научиться проводить, как это принято в приличном обществе! Чтобы те, кому это требуется, урок усвоили, а те, кому не надо, ничего про это не прознали. Не переживай, – старушка мило улыбалась, – у меня уже сейчас навскидку для тебя пара поручений есть весьма щекотливого характера, которые на любимой родине надо выполнить. И выполнить, Лешка, аккуратно, без лишней огласки и свойственных тебе нагромождений трупов. Как думаешь, справишься?

У меня от милой улыбки императрицы побежали по всему телу мурашки!

– Бабушка, – протянул я, – у тебя валькирии закончились для особых поручений?

– А ты разве не хочешь любимую бабушку порадовать своим участием в ее жизни?

Да старушка надо мной всю стобетет! Но не время сейчас отвечать ей той же монетой.

– Полный расклад по объектам воздействия, – решил «съехать» со скользкой темы я. – И, если причины меня удовлетворят, я в вашем полном распоряжении, ваше императорское величество.

– Какой послушный мальчик! – Бабка была явно довольна. – О чем это мы? Ах да, кольцо! Алексей, ты же понимаешь, что кольцо ты должен вручить Соне в торжественной обстановке и только в нашем присутствии?

– Теперь понимаю, – вздохнул я, признавая правоту старушки. – А произойдет это только после того, как вы с Ольденбургскими насчет нашего брака сговоритесь?

– Мальчик не только послушный, он еще и сообразительный! – она схватила меня под локоток и буквально приволокла к «старшим». – Прошу прощения! Дорогой, срочно звони в Москву, пусть самолет с артистами ждет фельдъегеря.

– Какого еще фельдъегеря? – Раздражения, впрочем, в голосе царственного деда не было.

– Который повезет кольца для Алексея. А он выберет и подарит одно из них Соне. – Бабка загадочно улыбалась. – Есть у меня там подходящие как раз для такого случая, внуку точно стыдно не будет.

Император, великий князь и просто князь переглянулись и чуть ли не в один голос заявили:

– Нужное дело! Артисты, конечно, подождут.

А императрица обратилась уже ко мне:

– Доставай телефон и соединяй меня по видеосвязи с Марусей, придется давать ей доступ в закрома.

Император отчетливо хохотнул:

– Дорогая, ты уверена? Не боишься, что твои закрома опустеют, а Маша с Варей завтра в лицей заявятся обвешанные цацками с головы до ног, как новогодние елки? Может, от греха Колю попросим?

– Пусть внучки поиграются. – Бабка жестом выразила свое равнодушие. – Им полезно. Все равно я им собиралась часть своей ювелирки подарить. – Она перевела взгляд на деверя: – Не переживай, Вова, женам племяшей тоже кое-что из закровов достанется... И Александровичам тоже.

– Дорогая, – протянул улыбающийся император, – воздух Лазурного побережья тебе явно идет на пользу.

– И не говори!..

В «Джимис» мы с братьями добирались пешком в сопровождении Прохора и Вани, категорически отказавшись от поездки в клуб на машинах. Царственный дед вместе с остальными старшими родичами отправился на празднество целым кортежем, а на прощание, видимо, исчерпав на сегодня весь запас своего гнева, только махнул рукой и пробурчал, мол, ведите себя по дороге прилично и не найдите приключений на пятую точку.

Мое созерцание ночного Монако прервал Александр:

– Лешка, как думаешь, мы еще долго пробудем на Лазурном берегу?

– Не в курсе, – протянул я. – Но учитывая все эти переговоры на высшем уровне, которые продолжаются до сих пор, допрос Савойского и остальные *нерешенные* вопросы, – я глянул в сторону Прохора и Вани, – минимум неделю, а то и больше.

Братья тоже автоматом посмотрели на воспитателя с колдуном, которые подтверждающе кивнули.

– Домой уже хочется, – бросил в пространство Николай.

Я не удержался от ухмылки:

– Соскучился по казарме?

– А там все просто и понятно, – пожал плечами он, – подъем, зарядка, занятия, отбой. А тут каждый день что-нибудь мутное да происходит. Сплошные непрекращающиеся сложности, которые в большинстве случаев решаются тобой, а мы просто в сторонке стоим.

Сказано это было братом без всякой претензии, он просто констатировал факт, поэтому и реагировать надо было соответственно:

– Вот сговорятся окончательно родичи о твоей свадьбе с Евой, там и начнутся настоящие сложности, Коляшка, – опять хмыкнул я. – И у Шурки тоже с его Ингой. И у меня, кстати, ведь жить всем вместе в моем особняке не получится, а мы уже друг к другу притерлись. В Кремль переедем в соседние покои?

– Окстись, Лешка!!! – Братья одновременно перекрестились. – Только не это!

– Вот! – протянул многозначительно я. – К родителям возвращаться вы тоже не горите желанием – вырвался из-под мамкиной юбки, хрен обратно загонишь. Ведь так?

– Так...

– Советую с царственной бабушкой поговорить на эту тему, пока старушка у нас добрая, – я многозначительно посмотрел на внимавших с немой надеждой братьев. – Даю наводку: она Прохора и Владимира Ивановича совсем недавно донимала проблемой освобождения для нужд Романовых всего квартала, где находится наш с вами особняк.

Николай с Александром тут же повернулись к Прохору, который важно кивнул.

– А еще бабушка как-то говорила, – продолжил я, – что в вопросах выкупа для нужд Романовых разных там земель и недвижимости нет равных Виталию Борисовичу Пафнутьеву. Уверен, если некие великие князья попросят Виталия Борисовича об ускорении процесса, да еще и подкрепят его служебное рвение неким не особо скромным дружеским подарком, все случится очень и очень быстро.

– Это было бы здорово, Лешка, жить нам всем в одном квартале! – мечтательно протянул Александр, а Николай кивнул. – Ходили бы друг к другу в гости, женам было бы не так скучно, да и когда детишки пойдут...

Вот что значит воспитываться в нормальной, полной семье, да еще и быть в ней старшим ребенком, отвечающим в какой-то степени за младших братьев и сестер – дай только повод, и воображение тут же нарисует аналогичную счастливую картинку с женой-красавицей и целым выводком детишек! Мое же воображение молчало – до свадьбы элементарно требовалось дожить, а уж там и разбираться.

На подходах к «Джимис» нас в «коробочку» взяли дворцовые – несмотря на то что самый пафосный ночной клуб Монако сегодня был закрыт на «спецобслуживание», народу к нему пришло гораздо больше, чем мы видели за все время его посещения. И это было неудивительно – зеваки наблюдали, как кортеж одной царственной особы сменялся кортежем другой, не менее знатной и влиятельной.

– Алекс! Алекс! Алекс! – заметили и меня.

Спину выпрямить до максимума, улыбку натянуть, а сжатый кулак правой руки вверх!

Одна фотография, вторая, третья... и вот мы с братьями наконец на красной ковровой дорожке у входа в клуб. Прижать ладонь к сердцу, улыбнуться и поклониться, поблагодарив жителей и гостей Монако за такое отношение. Обмен приветствиями с Гримальди, стоящими на правах хозяев у распахнутых настежь дверей, фотосессия с ними, и мы шагаем по коридору. Кивая практически родным охранникам «Джимис», не удержался от комментария:

– Коля, Саша, вы заметили, что всю территорию вокруг клуба *держат* наши дворцовые, а охраны других особ королевских кровей не видно даже на подступах?

Братья ухмыльнулись, а ответил Александр:

– Так дед, пока ты у Прохора в номере отсиживался, Владимира Ивановича специально инструктировал, мол, Лешка не позволял чужой охране рядом с собой тереться, вот и он не позволит. А остальные главы правящих родов, говорит, уже привыкли к тому, что наши дворцовые чувствуют в Монако себя как дома и не обращают на них внимания. Прям гордость берет за Романовых и империю.

Мы с Николаем согласно переглянулись, а я, кивнув очередному охраннику «Джимис», окинул взглядом внутреннее помещение клуба – подавляющее число особ королевской крови и их наследников, проживающих сейчас в Монако, уже были на месте и времени даром не теряли – гул голосов представителей правящих родов мира не заглушала даже легкая инструментальная музыка, игравшая из динамиков. Молодежи видно не было, но *чуйка* подсказывала, что искать наших друзей следовало на летней веранде, расположенной со стороны пляжа. Быстро попасть туда не получилось – проходка с изъяснением вежливого почтения заняла достаточно продолжительное время и прошла не без шероховатостей: если с китайцами мы только натянуто раскланялись, не опускаясь до пошлого обмена взаимными завуалированными угрозами, то вот папа, который мило общался с польским королем и его наследником, от «шпильки» все же не удержался:

– Что, принц, – лучезарно улыбался он после нашего с братьями поклона, – оказалось, что Филипп полон сюрпризов?

– Да, господин Сфорца, оказалось, что с чувством ритма у музыкальных испанцев все в порядке, – хмыкнул я. – Не только от быков в браслетах умеют бегать. В этот же раз Филиппу не повезло, молодой бычок ему руки и ноги переломал. Как думаете, господин Сфорца, если этого прыткого бычка выпустить в Ватикане, кого он первым затопчет?

Папа хмыкнул:

– Ждем сего представления с огромным нетерпением! – и он всем телом повернулся к поляку: – Давно на площади Святого Петра целиком молодого бычка на вертеле не готовили. Сигизмунд, заранее приглашаю. Уверен, ты такого еще не едал.

Король, оказавшийся меж двух огней, бледно улыбнулся и кивнул, а папа опять повернулся ко мне:

– Принц, вашим родичам я тоже кусочек на пробу отправлю.

– Было бы неплохо, – я тоже улыбался. – А то мы у себя в России только кости доглядываем. Кстати, господин Сфорца, и вы, ваше величество, завтра мне его величество Людовик обещал очередную партию костей торжественно передать, обязательно приходите! Так и быть, поделюсь с вами, но, чур, самое вкусное – остатки мозгов – высосу сам.

Если папа остался невозмутим, то вот короля с наследником заметно перекосило, и, решив расстаться на этой положительной ноте, я поклонился:

– Ваше величество, ваше высочество, господин Сфорца, приятного вечера! Увидимся!

Уже когда мы подходили к Ольденбургским, Александр не удержался от комментария:

– Жесть какая! Папа же натуральным образом нарывается!

– И не говори, – вздохнул я. – Мне-то казалось, что святой отец после нашей сегодняшней беседы на полигоне слегка поумерит пыл, ан нет! Гордыня проклятая старичка обуяла. Хотя... он может себе это позволить, – пожал плечами я. – На дуэль его не вызовешь, по морде в подворотне не настучишь, да и нотами дипломатическими не напугаешь. Придется придумывать альтернативные способы воздействия, раз этот возомнивший о себе господин не особо верит докладам своих нукеров.

– Что ты имеешь в виду? – слегка напрягся Николай.

– Не бери в голову, братик, – отмахнулся я. – Что-нибудь придумаю.

Внутренняя уверенность, что папу надо слегка проучить, с каждой секундой росла, как и то, что, несмотря на просьбу царственного деда, об этом не стоит ставить в известность старших родичей, – опять начнутся упреки, подозрения и обвинения в излишней жестокости. А оно мне надо, объяснять, что эта тварь в рясе ничего, кроме силы, не поймет и не уймется, если его больно по носу не щелкнуть?

Ольденбургских я специально оставил напоследок, но долго мы с братьями в их обществе не задержались – король Норвегии сходу поздравил меня еще раз с победой в дуэли, поблагодарил за нежную заботу о своей внучке и попросил продолжать в том же духе, давая понять, что информация о моем предложении Соне до него доведена и он совсем не против. Пообещав заботиться о норвежской принцессе и впредь, я с облегчением выдохнул и повел братьев на веранду.

– Как прошло с родичами? – улыбался я, глядя на Сою.

– Честно? – Она подняла на меня глаза и тоже улыбнулась. – Дед с отцом очень обрадовались! А потом стали переживать, что твой дед все переиграет и запретит тебе на мне жениться.

Мы с девушкой стояли на пляже и делали вид, что любимся лунной дорожкой на морской глади...

...Праздник в «Джимис», устроенный Гримальди, оправдал все наши ожидания! После обязательной торжественной части с поздравлениями скромного меня с победой в дуэли и нескольких длинных тостов, в которых нашлось немало теплых слов о родах Романовых и Пожарских, вниманию требовательной публики было представлено целое шоу с танцевальными коллективами разной направленности, гимнастами, фокусниками и даже клоунами. Особенно главам правящих родов понравилось выступление трех роскошных девиц, исполнивших танец живота, а свой восторг короли и императоры с наследниками выразили не только возгласами и бурными аплодисментами, но и звонкой монетой, накидав по примеру египетских Фатимидов целые пачки разной валюты в пустое блюдо из-под фруктов, пущенное по рядам. Не менее интересным получилось и выступление на пляже французской семьи «укротителей огня». Это ж сколько надо тренироваться, чтобы показывать взыскательной публике целые истории, где фигуры, сотканые из огня, жили настоящей жизнью со вполне угадываемыми эмоциями и жестами! «Добила» царственных особ самая молодая представительница этой семьи – девочка-подросток лет двенадцати с бантом на голове, обряженная в воздушное платьишко, – она показала натуральную охоту волка на зайца со всеми ее перипетиями, и лишенные налички представители правящих родов потребовали принести на пляж терминал

для безналичных расчетов и принялись нещадно опустошать свои карты. Салют удался тоже – он длился гораздо дольше, чем после нашего возвращения с Ибицы, и по его окончании мы с пляжа вернулись в клуб.

Не знаю, давал ли король Франции Людовик какую-то специальную отмашку своим газетчикам, а мой царственный дед – князю Шереметьеву, но только мы успели выпить первый бокал, как буквально у всех присутствующих телефоны запиликали ссылками на развернутые статьи сразу в нескольких крупных мировых СМИ, посвященные нашей с Филиппом дуэли. И опять на страницах этих изданий я стараниями Ани Шереметьевой представал натуральным красавчиком, проявившим милосердие к поверженному врагу, а про дедовский приказ пощадить Филиппа не было ни слова. Дополнением к статьям шло подробное описание процесса подготовки великого принца Алексея Романова к дуэли – вот фотография, где мы купаемся в Монако, вот – где загораем в том заливишке, который нам показала Стефания, вот вся наша молодежь на фоне подаренных итальянцами машин. А дальше пошли фотографии с полигона, но другого! Вот снимок, где я стою рядом с императором Японии и его наследником с мотами на переднем плане, вот вся молодежь в японской экипировке с теми же самыми мотами, вот красивые кадры наших лихих покатушек. Короче, создавалось полное впечатление, что к поединку я не готовился от слова совсем, а только развлекался, развлекался и еще раз развлекался!

Судя по реакции моих родичей, и старых, и молодых, очередная сказка Шереметьевой о великом и ужасном принце Алексее Романове молодой журналистке удалась! Этого же мнения придерживалось и большинство присутствующих в клубе особ королевских кровей, а японский император с наследником, судя по их традиционно не очень выразительным лицам, так и вообще были в полном восторге от такой рекламной интеграции продукции страны восходящего солнца – Нарухито с Акихито не поленились, подошли, сначала долго нас благодарили, а потом отдельно выразили свое уважение и Анне.

Снова молодежь собралась только через час и тут же принялась обсуждать планы на следующий день с учетом того, что завтра вечером нам всем, как анонсировал сегодня мой царственный дед, предстояло посетить оперный театр Ниццы, где должны были выступить солисты Большого театра.

– Мероприятие важное, – с кислым видом докладывала нам Стефания Бурбон, – королевскую канцелярию в Париже атаковали все французские знатные роды с просьбой о выделении приглашений. Интриги по поводу приглашений плетут роды из Италии, Германии, Британии, Португалии, Польши и даже Испании, а вместимость оперы всего полторы тысячи человек. Учитывая же, что так называемых русских вечеров в Ницце планируется провести несколько, наша с вами, – она обвела взглядом молодых людей, – вечерняя жизнь, как и поездка в Париж, находятся под очень большим вопросом. Но завтра в театре нам надо быть в любом случае.

– Это да... – протянул Джузеппе. – Я этой оперой и на родине сыт был, еще на Лазурном берегу придется слушать. – Он резко повернулся ко мне. – Алекс, выручай! Переговори со своим дедом, чтобы нас хотя бы на сутки в Париж отпустили!

Теперь на меня смотрела и остальная молодежь. Подняв руки в защитном жесте, я вздохнул:

– Переговорю, но ничего не обещаю. – И обратился к француженке: – Стефания, а твой дед не обидится, если мы пропустим одно из этих пафосных мероприятий?

Девушка хитро улыбнулась:

– А ты и с ним переговори. Я почему-то уверена, что тебе дедушка не откажет.

Просто кивнув, решил перевести разговор на другую тему:

– Что касается завтрашнего, то в первой половине дня нас с Колей и Сашей мой отец ангажировал, а вот после обеда мы совершенно свободны. – И молодые люди стали предлагать развлечения.

Пообщаться с Соней наедине получилось уже ближе к полуночи, и вот мы стояли и делали вид, что любуемся сверкавшей на морской глади лунной дорожкой.

– Как прошло с родичами? – улыбался я, глядя на Соню.

– Честно? – Она подняла на меня глаза и тоже улыбнулась. – Дед с отцом очень обрадовались! А потом стали переживать, что твой дед все переиграет и запретит тебе на мне жениться.

– Мой дед долго возмущался, что я сделал тебе предложение, не спросив разрешения, – не удержался от ухмылки я.

– И?..

– Ждите сватов, – сказал я на русском.

– Сватов? – переспросила девушка.

– Ждите моих дедушку, бабушку и отца для согласования условий нашего с тобой брака.

– Замечательно! – Глаза Сони засияли. – Будут какие-то личные пожелания с твоей стороны?

– Постарайся понравиться моей бабушке, – улыбался я. – Хотя ты ей и так понравилась, но все же.

Девушка кивнула.

– Еще что-нибудь?

– Учи русский, а когда вернешься на родину, начинай изучать основы православия, в которое тебе придется перейти.

– Услышала.

– И насчет кольца, Соня... – замялся я. – Прости, но твое кольцо как раз сейчас доставляют из Москвы, а вручу я тебе его в подходящей случаю торжественной обстановке, и только после того, как наши родичи окончательно сговорятся обо всех условиях.

Девушка нахмурилась, горделиво выпрямила спину и заявила сквозь зубы:

– Молодой человек, вы подлый обманщик!

После чего, не выдержав, фыркнула и заулыбалась:

– Уверена, кольцо превзойдет все мои самые смелые ожидания!

– Не сомневайся! – кивнул я, искренне надеясь, что в бабкиных закромах действительно найдется что-то достойное этих самых смелых ожиданий. – А насчет свидания...

– Слушаю очень внимательно!

– Есть у меня одна идея... Но все будет зависеть от того, насколько рано мы завтра освободимся после оперы.

– Заинтриговал!..

– Николая, можно тебя позвать на бокал коньяка?

Вильгельм Гогенцоллерн, император Германской империи, показал рукой с бокалом искомого напитка императору Российской империи на стойку бара.

– Конечно, Вилли, – кивнул тот и, в свою очередь, подхватил уже свой бокал с отличным французским коньяком.

Когда оба императора удобно расположились за стойкой бара, к ним с угодливой улыбкой поспешил бармен:

– Ваши величества, чего изволите?

– Любезный, исчезни... – лениво произнес Вильгельм и кинул на стойку купюру, после чего пристально посмотрел в глаза своего дальнего родственника: – Николая, я ходить вокруг да около не буду, так что сразу приступлю к делу. Ты должен быть в курсе, что моему старшему внуку пора жениться, а вот достойных кандидатур ему в жены мы пока подобрать не можем. Нам, конечно, поступают предложения, но...

– А Стефания Бурбон? – хитро улыбнулся русский император.

– Это уж совсем крайний вариант, – поморщился немец, – учитывая давнюю вражду между нашими странами. Вот мы с родичами и обратили внимание на твоих внучек. Что скажешь?

Вильгельм впился глазами в лицо Николая, отслеживая мимику последнего, но, кроме блуждающей хитрой улыбки, ничего так и не увидел.

– Вилли, брат, мы же родственники! – Русский слегка покривил губы. – Как ты себе это представляешь?

– Дальние родственники, Николя! – заявил немец и быстро добавил, заметив, что Николай собирается возразить: – Просто подумай, не торопись, мы с тобой чуть позже этот вопрос еще раз обсудим. Договорились?

– Договорились, – кивнул тот.

– У меня еще один вопрос, касающийся поставок нефти.

– Внимательно слушаю...

Еще через полчаса у государя Российской империи состоялся аналогичный разговор с королем Британии, и, вернувшись к себе за стол, Николай решил в двух словах поделиться информацией с супругой:

– Дорогая, наши акции растут как на дрожжах! Угадай, кто решил поправить свои дела с наследниками с помощью сильной крови рода Романовых?

– Неужели Гогенцоллерны и Виндзоры? – прищурилась Мария Федоровна.

– Уверен, это только первые ласточки! – Николай лучился довольством. – И это они еще про Лизавету не в курсе! – он откашлялся. – Я надеюсь, что не в курсе.

– Дорогой, – нахмурилась Мария Федоровна, – но ты же понимаешь, что нам ни в коем случае нельзя...

– Тс-с! – Император прижал палец к губам. – Оба любимых родственника просто умоляли меня сразу отказом их не огорчать, а хорошенько подумать, что, согласись, дает нам пространство для маневра.

– Завтра же надо это все обсудить с Мишей, Вовой и Сашей.

– Уж как водится, дорогая, как водится...

В номере мы оказались в четвертом часу утра, но расходиться по спальням не стали – еще в «Джимис» Михеев доложил царственному деду о благополучном прибытии в Ниццу самолета с артистами, поварами и фельдъегерем, и вот сейчас мы дружно разглядывали содержимое черной бархатной шкатулки с подсветкой, привезенной этим самым фельдъегерем. Посмотреть было на что! А уж послушать краткую лекцию бабули и подавно! Свой выбор я сделал, практически не задумываясь, и указал на самое, по моему мнению, элегантное из пяти колец, мысленно прикинув, как оно будет смотреться на пальчике Сони, вроде и не пошло, но и не слишком дешево:

– Это!

Императрица удовлетворенно кивнула:

– Отличный выбор, Алексей! Классическое кольцо из платины, бриллиант чистой воды весом примерно в пятнадцать карат. Учитывая юный возраст твоей избранницы и изящность ее пальчиков, это кольцо будет смотреться на руке Сони куда органичнее, чем, скажем, вот то. Я его специально Марусю попросила положить, чтобы ты понимал разницу.

Бабка указала на совсем уж кич ювелирного искусства – вроде тоже платина, но с вкраплениями повсюду мелких брюликов, а главный камень был раза в полтора крупнее того, который выбрал я.

– А уж какая у этого кольца история! – восторженно подхватив изящное колечко и крутя его на свету, протянула бабка. – Поверь мне, мальчик, красота в украшении – это самое малое. Куда важнее то, что за ним стоит. Ну, я потом тебе расскажу. А пока что поверь, вот это *маленькое* колечко говорит само за себя громче любого ценника. По нему сразу видно, кто и когда его сделал. И эта твоя Сонечка, если, конечно, не дура, чего по ней не скажешь, все поймет.

Из сказанного я понял чуть больше, чем ничего, но решил не спорить и вопросов не задавать – бабке виднее, она в этом всю жизнь варится, кому угодно может нос утереть и лекцию прочитать. А я как-то к этим урокам премудростей ювелирных готов не был. Потому просто кивнул, да и дед меня поддержал.

– Бабушка дело говорит, – веско произнес царственный дед. – А украшений помассивнее и подороже ты потом своей Соне и так надаришь, если Ольденбургские ей в приданое своих мало положат.

Родитель тоже знаками подтверждал правильность моего выбора, и, вздохнув, я кивнул:

– Убедили. Что теперь?

– Теперь отбой, завтра трудный день, – дед демонстративно захлопнул крышку шкапулки и протянул ее бабке. – Всем спокойной ночи!

И императорская чета направилась к лестнице на второй этаж. За ними засобирались и все остальные, а я остался сидеть на диване.

– Алексей, – обратился ко мне отец, – а ты чего развалился?

– Еще немного посижу, в себя надо прийти – день-то трудный выдался.

– Не засиживайся. Нас завтра к одиннадцати на яхте ждут.

– Хорошо, – кивнул я.

А про себя подумал: «Опять не высплюсь, и все из-за проклятого папы! Только бы эта тварь побыстрее спать улеглась!»

Папа Франциск проснулся от собственного крика – ему снился самый натуральный кошмар с принцем Романовым в главной роли! Схватившись за лоб, понтифик не сразу поверил, что это просто холодный пот, а не следы липких прикосновений огромного влажного языка юноши, через который тот высасывал у Франциска мозг.

– Приснится же такое! – криво усмехнулся папа, уселся на кровати и выпил стакан воды, стоявший на прикроватной тумбочке.

Через полчаса усердной молитвы удалось успокоиться и лечь обратно в постель, но только понтифик закрыл глаза, как кошмар вернулся, только в этот раз Романов попытался откусить голову Франциска своим гигантским ртом.

С ругательствами вытолкав из покоев обеспокоенных служек, папа упал на колени перед распятием и вновь принялся усердно молиться. Молился он до самого утра, боясь закрыть глаза хоть на мгновенье...

Глава 4

Проснувшись на следующий день, убедился, что установка проснуться в девять утра, данная подсознанию, сработала отлично – часы показывали семь минут десятого. Задержку на целых семь минут решил списать на свою неопытность в делах аутотренинга и неточность внутренних часов. Тихонько, но от души зевнув, так, чтобы не разбудить еще сопящих братьев, прислушался к себе и остался доволен – другая установка, касающаяся команды выспаться за четыре часа, сработала тоже, и чувствовал я себе вполне сносно.

Чтобы не потревожить братьев, в душ тоже решил сходить позднее, а пока достал из платяного шкафа джинсы с футболкой, оделся и спустился вниз. Настроение было неплохим – вчера, вернее, сегодня ночью всё-таки удалось чуточку отвести душу, устроив проклятому понтифику яркое и незабываемое путешествие по сновидениям с моим скромным участием.

Внизу сделал себе чашечку крепкого кофе и, разместившись на балконе, принялся наблюдать за утренним морским пейзажем.

Окончательно придя в себя и решив, что время как раз подходящее, перешёл на лёгкий вариант *темпа*, поставил прямо перед собой образ контролёра и слегка поджарил ему пятки. Почувствовав панику колдуна, удовлетворённо кивнул – прямой намёк на то, что надо пошевеливаться, он должен был понять вполне однозначно. Допив кофе, скинул футболку и приступил к гимнастике Гермеса – сегодня предполагались повышенные нагрузки. С физкультурой на свежем воздухе закончил около десяти, как раз тогда, когда на первом этаже нашего номера появился мой родитель.

– Лёшка, ты чего, вообще спать не ложишься? – поинтересовался он у меня, выйдя на балкон с большой чашкой кофе.

– И тебе доброе утро, папа, – выдохнул я, вытер со лба пот и натянул футболку. – Спал я, просто решил пораньше встать, заодно и нашего беглого контролёра в спокойной обстановке напряг.

Судя по слегка растерянному виду, отец не сразу понял, о чем конкретно идёт речь, но потом до него дошло, он кивнул и заинтересованно протянул:

– И как наши успехи на этом благородном поприще?

– Пятки ему слегка поджарил, – пожал плечами я. – Должен понять. А если в ближайшее время не поймет и не сдастся, что-нибудь пострашнее придумаю.

– Он нам очень нужен, – поморщился родитель, – а сроки поджимают. Если эта тварина в ближайшее время не появится, тебе придётся его... – Отец помахал рукой, – ну, ты понял.

– Понял, – кивнул я. – Кстати, не успел тебе вчера рассказать, но господин Сфорца конкретно так нарывается.

– А поподробнее? – Глаза родителя нехорошо сузились.

Во время моего рассказа отец опять морщился, но отделался лишь многозначительным:

– Будем думать, что с этим персонажем делать... – после чего залпом допил остатки своего кофе и заявил: – Всё, Лёшка, иди буди братьев, приводите себя в порядок и спускайся вниз – завтракать будем на яхте.

Как оказалось, завтракать на яхте пожелали и все наши старшие родичи, включая князя Пожарского.

– А чего ты хотел, Лёшка? – улыбался царственный дед, когда мы покидали номер. – Как только твой отец с загадочным видом заикнулся о том, что тебе надо кое-что проверить, а для этого требуется выйти в открытое море, мы сразу стойку и сделали, отложив на потом все дела. Ты же нас не разочаруешь, внучок?

– Постараюсь, – вздохнул я, – хотя сам ещё пока ничего не понял.

– Вот вместе и разберёмся...

Всю дорогу до «Звезды» я думал о том, что мои родичи стали относиться к моим «кое-что» с очень большим вниманием, и у них были на то веские причины: все эти мои способности у кого угодно могли вызвать вопросы, а расширяющийся перечень моих возможностей, начинающийся с дикого по мощи гнева, колдунства и *правила*, давал им повод для повышенного внимания к моей скромной персоне. Что же касается способностей прадеда Александра, то, как мне кажется, родичи специально не озвучивали мне их полный список, отказываясь давать в руки архив рода Романовых, только для того, чтобы я самостоятельно развивался и не заиклился на каких-то отдельных вещах. И я бы на их месте поступал аналогичным образом.

На яхте нас встретил экипаж в полном составе под командованием адмирала Нарышкина, отдельным же сюрпризом для моих родичей стало появление на палубе старика в белом кителе и поварском колпаке.

– Фёдор Михалыч, дорогой! – воскликнул царственный дед. – Как же я соскучился и по тебе, и по твоей стряпне!

– Государь, рад услужить! – довольно улыбался тот.

Через минуту, видя мое непонимание, личность старика-повара мне раскрыл Александр:

– Кремлёвский шеф-повар, – прошептал мне брат. – Фамилия у него Пяткин, а его род уже лет триста входит в род Романовых.

– Ясно, – кивнул я. – Очередные славные традиции?

– Как без этого? – усмехнулся Шурка.

Ещё через полчаса, уже в открытом море, на носу яхты у нас состоялся полноценный завтрак, состоящий из тех блюд, которые мы заказали Фёдору Михайловичу и его помощникам. Лично я лакомясь действительно великолепно приготовленными блинами со свежей сметаной явно домашнего приготовления.

– Ну, Алексей, чем ты нас порадуешь на этот раз? – Царственный дед с довольным видом отодвинул от себя тарелку с остатками сырника.

Слова императора подали сигнал об окончании завтрака, и все остальные, сидевшие за столом, сосредоточили на мне заинтересованные взгляды.

– Деда, я как бы не зря собирался кое-что проверить именно на борту яхты, вдалеке от лишних глаз, поэтому распорядись, пожалуйста, чтобы на палубе не осталось лишних людей.

И покосился в сторону закончившего чуть раньше свой завтрак адмирала Варушкина, усиленно делавшего вид, что как раз проверяет несущих вахту матросов.

Через десять минут на палубе не осталось никого постороннего, а я, законно предположив, что с *поправленного* мной, а значит, и более сильного царственного деда эксперименты начинать не стоит, указал родителю на открытое море:

– Отец, будь так добр, изобрази нам что-нибудь с *водой*. Только не сильно эпичное.

Родитель кивнул, и в указанном мной направлении появились четыре достаточно мощных водяных смерча. Перейдя на *темп*, я *потянулся* к отцу, попытавшись вспомнить ощущения, пережитые во время дуэли с Филиппом.

Первая попытка ни к чему не привела – моё подсознание шло по самому простому пути, буквально заставляя *гасить* отца. С трудом отделавшись от этого навязанного желания, попытался сосредоточиться только на доспехе родителя, подозревая, что именно с ним я делал что-то во время дуэли с Филиппом. Экспресс-процессы, проходившие в доспехе отца, дали неожиданный результат – энергетические жгутики, как мне показалось, прямо в данный момент постоянно образовывали все новые и новые едва видимые светящиеся связи между собой.

Не выходя из *темпа*, бросил:

– Отец, закончи до моей команды применять воду.

И вот я уже наблюдаю, как энергетический жгутики постепенно прекращают образовывать новые связи, распадаются, теряют активность, свечение и возвращаются к своим стандартным положениям.

– Отец, продолжай...

Вот опять появляется картина сложных, постоянно меняющихся энергетических переплетений, которые, судя по всему, и отвечали за силу и сложность применяемых стихий.

Нырнув глубже в *темн*, попытался *аккуратно* повлиять на доспех отца таким образом, чтобы эти энергетические переплетения больше не образовались. Получилось это у меня далеко не сразу, а главная сложность состояла в том, чтобы своим чрезмерным давлением не повредить доспех отца, не нанести ему необратимого вреда. Больше всего указанная «процедура» напоминала *правило*, только в его обратном и усеченном варианте – происходил процесс заморозки энергетике, не давая ей выплеснуться наружу.

– Что за черт?! – услышал я возглас родителя. – Лешка, у меня не получается применить *воду*, а никакого давления на сознание я не чувствую!

Продолжая отслеживать доспех родителя, скомандовал:

– Попробуй аккуратно применить другие стихии.

– Тоже ничего не получается! – раздраженно бросил он. – Ничего подобного в жизни не чувствовал! Как совершенно безоружный и беспомощный!

И действительно, энергетические связи в доспехе отца перестали образовывать новые связи, хотя *чуйка* мне подсказывала, что своих защитных свойств доспех потерять был не должен. Решив в этом удостовериться, подскочил к отцу и обозначил удар. Выставленный навстречу родителем блок с одновременным захватом моей руки не оставлял никаких сомнений в том, что отец не потерял ни в защитных свойствах доспеха, ни в скорости *темпа*.

– Лёшка, это тоже часть твоего эксперимента? – он отпустил мою руку.

– Да, – пробормотал я.

И приказал его доспеху снова образовывать эти энергетические связи.

– Что чувствуешь?

– Ничего.

– Снова *воду* попробуй.

Доспех слегка засветился, как нить накаливания в лампочке, которую включили в сеть, связи стали образовываться все быстрее и быстрее, и в открытом море загудели теперь уже восемь водяных смерчей.

– Получилось! – довольно крикнул отец. – Снова могу! А если воздух?..

Со стихиями родитель забавлялся ещё минуты три, а я все это время отслеживал происходящее в его доспехе и остался очень доволен: мой эксперимент, несмотря на опасения, прошел без тяжелых последствий.

Выйдя из *темна*, повернулся к внимательно наблюдавшим за нами с отцом все это время родичам и хмыкнул:

– Сейчас все изложу в подробностях, не волнуйтесь.

Дождавшись отца, поделился своими наблюдениями и выводами, добавив в конце:

– Видимо, данное Филиппу слово о неприменении мной колдунских способностей заставило подсознание использовать ещё и этот вариант.

Царственный дед, оглядев озадаченных родичей, покивал:

– Дела... Говоришь, *правило* наоборот?

– Правило наоборот, деда, если говорить грубо – это самая натуральная порча в её общепринятом понимании, когда человеку фактически повреждают доспех, после чего у объекта воздействия начинаются проблемы со здоровьем из-за энергетических пробоев. – Я замялся. – Ну, как я тогда тебя... Извини, что напомнил. – И после взмаха рукой императора, мол, проехали, продолжил: – В этом же случае происходит воздействие лишь на способность доспеха

образовывать дополнительные энергетические связи, влияющие прежде всего на владение стихиями. Сколько подобное воздействие длится по времени, сказать не могу. Пока не могу. Кстати, прадед Александр ничего такого не мог?

Старшие родичи переглянулись между собой и отрицательно помотали головами, я же чуял, что они не лгали. Выказаться в конце концов решил дед Владимир:

– Не было ничего подобного в записях, точно могу сказать. Ну и вообще, Лёшка, что тебе, по большому счету, эта вновь открывшаяся приبلуда дает, если ты и так на расстоянии любого нужного человечка погасить можешь?

Я же под вопросительными взглядами присутствующих только пожал плечами:

– Не знаю... Но для лучшего понимания, как именно устроен наш с вами доспех, мне эта информация точно пригодится.

Тут, привлекая к себе внимание, шаг вперед сделал Кузьмин:

– Государь, позвольте задать вопрос царевичу? – И после разрешающего жеста императора Ванюша повернулся ко мне: – Алексей, а что ты там за свечение увидел? Оно имеет какое-то сходство с тем, что видим мы с тобой... в обычных условиях?

– Безусловно, имеет, – задумался я. – Но по сравнению с привычным нам с тобой свечением оно слишком тусклое... А может, это мое подсознание так эти энергетические связи, отвечающие за стихии, затейливо обозначает.

– Понял, – кивнул колдун и сделал шаг назад.

С минуту родичи обменивались мнениями, пока так и не успокоившийся дед Владимир не заявил:

– Лешка, а со мной сейчас можешь сделать то же самое, что с Сашей?

– Давай попробуем, – опять пожал плечами я.

Пробовали мы с дедом Владимиром недолго – как и всегда, во второй раз у меня все получилось гораздо быстрее и лучше, результат оказался аналогичным, и на этом эксперименты решили пока закончить. Царственный дед распорядился возвращаться обратно в Монако, мы дружно приступили к обсуждению вариантов того, как мне этими вновь приобретёнными навыкам пользоваться в жизни. Не придя к каким-то конкретным выводам и учитывая то, что я и так могу гасить людей на расстоянии, обсуждение очень быстро прекратилось, и мы разошлись отдельными компаниями по яхте.

– Даже просить тебя научить не буду! – Александр смотрел на меня с улыбкой. – А так, классная способность! Коляшка, – он повернулся к брату, – представляешь, ты такой с кем-нибудь сражаешься, а он ничего, кроме доспеха, тебе противопоставить не может.

– Это против джентльменских правил ведения войны, – хмыкнул Николай. – Тех правил, которые нам так усиленно навязывали цивилизованные европейцы во время Первой мировой войны, и которые они сами не соблюдали. Так что способность действительно очень классная!

С братьями мы поговорили ещё какое-то время, потом я вспомнил о своих планах на вечер, извинился и пошёл к Прохору с Ваней, расположившимся около бассейна.

– У меня проблема, – заявил я, глядя при этом на колдуна. – Сегодня после посещения театра планирую кое-куда съездить с Соней, устрою, так сказать, первое свидание. Учитывая же, что мой фэйс постоянно светится в паутине и во всех газетах, а роскошная седина не оставляет шанса быть неузнанным, нужен твой совет по решению этой проблемы. Я знаю, Ваня, ты умеешь.

– А тёмные очки тебя уже не устраивают, царевич? – ухмыльнулся Кузьмин и перевёл взгляд на Прохора: – Петрович, ты представляешь, великий и ужасный принц Алексей Романов, только что демонстрировавший нам очередные уникальные способности, не может решить элементарную задачку!

Я вздохнул:

– Ваня, а можно без ёрничества?

Колдун опять ухмыльнулся:

– Можно и без ёрничества. Давай пойдём простым логическим ходом. Какая задача перед тобой стоит?

– Быть неузнанным.

– Значит, надо сделать так, чтобы тебя не узнавали или вообще скрыть лицо. Вот и скрой свое лицо, – хмыкнул он, – просто надень маску.

– Легко тебе сказать, просто надень маску, – буркнул я.

– Соображай, царевич, включай воображение! Учись решать проблемы до их появления. Не все тебе в стрессовой ситуации на чуйке выезжать.

Включить воображение? Просто надеть маску? Что ж...

На месте лица царевича, стоявшего напротив, Кузьмин вдруг увидел страшную морду самого настоящего демона с горящими глазами. Эффект присутствия посланника ада был настолько реалистичен, что, казалось, сейчас этот демон польхнет из пасти огнём. Почувствовав, что Белобородов судорожно схватил его за локоть, колдун сглотнул и пробормотал:

– Царевич, ты это... с подобными эффектами завязывай, тебе такие маски ни к чему... у нас тут не бесовской праздник Хэллоуин...

Рожа демона оскалилась в довольной улыбке:

– Как скажешь, Ванюша.

Рожа демона сменилась волчьей головой, которую через пару мгновений сменил бык, а за ним и размалеванная морда клоуна с красным носом. И, наконец, царевич ухмыльнулся, изобразив знаменитую маску Гая Фокса.

– Как вам? – поинтересовался великий князь.

– Зашибись! – хмыкнул колдун. – Полная анонимность гарантируется! А слабо скрыть свое напечатанное во всех газетах жало за легкой завесой дымки?

– Легко!

Маска Гая Фокса исчезла, проявилось лицо молодого человека, которое тут же *поплыло*, потеряв резкость.

– Другое же дело, царевич! – кивнул Кузьмин. – Так теперь вообще везде можешь шариться без палева, главное, привыкнуть к этой маске и не забывать её постоянно поддерживать в надлежащем состоянии. Главное – тренируйся, и потом пользоваться начнешь на автомате. И про камеры наблюдения не забывай, там твоя физия при любых раскладах будет видна.

Великий же князь только недовольно протянул:

– А может, как-то так попробовать?

И на месте лица Алексея вместо ряби появился самый настоящий провал из *тьмы*.

Кузьмин кое-как успел удержаться от того, чтобы *не провалиться* в эту бездну, и только потом, перейдя на *темп*, схватил заваливавшегося вперёд Белобородова.

– Царевич, твою же!.. – зашипел колдун. – Прекращай свои эксперименты! Петровича угробишь!

Зияющая бездна исчезла, на её месте появилась дымка, а великий князь кинулся к воспитателю:

– Папка, прости! Я не хотел...

Воспитатель пришел в себя довольно-таки быстро, а первым его вопросом был:

– Что это за ерунда, Лёшка? Я как будто куда-то падал...

За меня ответил злой Кузьмин:

– Головокружение от успехов это было, Петрович, усиленное манией величия. Воспитанник твой в очередной раз не рассчитал силу воздействия и включил самую натуральную присоску, когда делать это было совершенно не обязательно. Да, царевич?

– Да, Ваня... – Я опустил голову. – Просто для меня легче держать маску, которая будет всасывать постороннее *внимание* внутрь, а не наружу.

Проход нахмурился:

– Объяснение, конечно, так себе, но общий принцип из ваших прошлых разговоров мне понятен. – Воспитатель растянул губы в бледной улыбке. – Но если тебе, Лёшка, интересно моё мнение, то вот той дымки с потерей резкости вполне хватает для сохранения твоего инкогнито. А если я с тобой куда-нибудь захочу сходить? Чтоб, значит, тоже инкогнито... Ну, ты понял...

Представив на месте лица Прохода эту самую дымку, повернулся к Ванюше:

– Работает? А то я могу сам себе напридумывать...

Кузьмин вздохнул:

– Работает, царевич. А вот я поддерживать маску на другом человеке научился только через месяц упорных тренировок.

Его прервал Проход:

– Сынка у меня лучший! А ты завязывай с нытьем. – Воспитатель повернулся ко мне: – Что же касается всяких там демонов, Лёшка, и прочих одиозных животных, то иллюзия была просто на высшем уровне. – Он опять покосился в сторону Кузьмина. – Ванюша так реалистично точно не сможет.

Колдун этими словами воспитателя был явно недоволен, но проявилось это только в кривой ухмылке:

– Зато я могу много чего другого, Проша, и вообще, я не виноват, что природа не наградила меня таким живым воображением, как у царевича.

Взвизгнувшая *чуйка* заставила меня отпрянуть от Кузьмина, сквозь силуэт которого стал внезапно просвечивать самый натуральный дракон с двумя огромными перепончатыми крыльями. Проход так и вообще отскочил на пару метров и сжал кулаки.

– Ну что, Проша, – в голосе колдуна чувствовались нотки превосходства, – как тебе качество такой иллюзии?

Воспитатель прищурил глаза и заявил:

– Страшно, просто еб@нуться! Ты чего себе, дурень, на башку здоровенный гребень приделал, а-а? Ой, не по понятиям это, Ванюша, совсем не по понятиям...

Оставив двух друзей в очередной раз выяснять отношения, я направился на нос яхты проверять свой новую маску. Первыми, кому я ее продемонстрировал, были Коля с Сашей. Братья в очередной раз пришли в полный восторг и согласились со мной, что фича очень полезная во всех жизненных обстоятельствах. Дальше настала очередь старших родичей:

– Это что ещё за ерунда такая?

Именно такими словами прокомментировал мой внешний вид царственный дедушка, отдыхающий в компании супруги и князя Пожарского, которые тоже тарасились на меня круглыми глазами.

– Маскировка, – хмыкнул я. – Просто планирую сегодня после посещения театра съездить с Соней на свидание.

– У меня два вопроса, – хмыкнул император. – Первый: это ты нас так в известность ставишь, что ночью опять куда-то пойдёшь? И второй: что за ерунда у тебя с лицом?

Объяснения не заняли много времени, и если ответ на второй вопрос всех удовлетворил, то вот насчёт моего свидания возникли новые вопросы:

– А ты только вдвоём с Соней собираешься или планируешь взять кого-нибудь для охраны? – прищурился царственный дед.

– Вдвоём с Соней, – кивнул я.

Император же на это заявил непререкаемым тоном:

– Поедешь только в сопровождении Прохора и Ивана. Тебе все понятно?

Мысленно прикинув, решил, что такая компания мне вполне подходит, и опять кивнул:

– Все понятно, ваше императорское величество!

– Вот и чудно! – казалось, с облегчением кивнул царственный дед, видимо, ожидавший другой моей реакции. – И не забывай, нам сегодня ещё к Гримальди во дворец идти, получать черепа от Бурбонов...

Поздний обед в нашем ресторане меня, как и всех остальных моих родичей, очень порадовал – традиционные русские салаты, из супов борщ, солянка и рассольник на выбор, на второе пюре, рис, овощное рагу или макароны с котлетами по-киевски или жареной рыбой. Насытившись, поблагодарили поваров, вышли на Золотую площадь, где нас уже ждали автомобили, и буквально через пять минут оказались у дворца Гримальди.

Взаимные приветствия не заняли много времени, как и торжественное вручение мне черепов в чёрных бархатных ящиках – складывалось полное ощущение того, что Бурбоны старались избавиться от черепов как можно быстрее. Процедуру сломал мой царственный дед, толкнувший длинную, проникновенную речугу по поводу того, что злодеи, организовавшие столь подлое и низкое нападение на членов целых четырёх правящих родов, обязательно будут найдены и понесут самое суровое и жестокое наказание. При этом дед суровым взглядом пристально всматривался в лица самих Бурбонов, Гримальди и Медичи, явно при этом провоцируя последних хоть на какие-то эмоции. Представители итальянской королевской семьи, однако, строили суровые лица, согласно кивали и тяжело вздыхали, ничем не выдавая своих истинных эмоций, которые я считывал без труда. Были там и страх, и сожаление, и досада с раскаянием, и мне неожиданно даже для себя стало итальянцев хоть и немного, но жалко – после общения с папой римским я нисколько не сомневался, что понтифик мог с лёгкостью заставить Медичи пойти ещё и не на такое, особенно с учетом имеющейся в его распоряжении коды сильных колдунов.

Перед тем как покинуть дворец Гримальди, я успел поделиться своими эмоциями с родителем.

– Лёшка, ты же понимаешь, что с итальянцев это не снимает вины? – хмурился он.

– Понимаю, – кивнул я. – Но и в полной мере они отвечать не должны.

Родитель изобразил улыбку:

– Сынок, ты только это при них не скажи, когда до конкретного разбора дела дойдёт.

– Отец, – поморщился я, – неужели я давал поводы сомневаться в своей кровожадности?

– С тобой не угадаешь! – Родитель хлопнул меня по плечу. – Сегодня ты у нас головы врагам отрываешь и тела их сжигаешь, а завтра готов всех простить и помиловать.

– Только не в этом случае... Они Вику убили.

– Вот и помни об этом, сынок. Всё, увидимся вечером в отеле, о черепушках позаботится Вова Михеев, а нам ещё здесь поработать надо...

К компании молодёжи, решившей сегодня вместо пляжа испытать «Харлей Дэвидсон», мы с братьями присоединились уже ближе к четверем часам дня. Очередные покатушки, теперь уже спокойные и вальяжные, закончились у нас ближе к шести вечера.

– Не моё, – с важным видом заявил Николай, указывая на сверкающий хромом американский байк. – Точно не моё. Красивый, тяжелый, громкий, но не для быстрой езды.

– Согласен, – поморщился Александр. – Для разовых выездов и как модный аксессуар сгодится, в остальном же...

Девушки, наблюдавшие за нашей реакцией, улыбались и фыркали, а их общее мнение решила высказать Тамара Хачатурян:

– Просто вы еще не успели окончательно повзрослеть, мальчики, в скорость не наигрались. Вот подрастаете, тогда и будете кататься на «Харлеях», если вообще подобное желание останется. Это же касается и ваших «Мазерати». – Она усмехнулась. – А то смотрите, будете передвигаться или в «Волге», или в «Чайке», да и то на заднем сиденье.

Александр гордо выпрямился:

– Так статус обязывает! – Он не выдержал и хмыкнул: – Пока же надо пользоваться своим юным возрастом и брать от жизни всё! Чтобы в старости было что вспомнить!

С Соней мне удалось перекинуться лишь парой слов, предупредив девушку, чтобы она согласовала с отцом и дедом свою ночную поездку под мою полную ответственность и приготовила ту мотоэкипировку, в которой она тогда каталась в Ниццу вместе с Леной Панцулаей.

В Ниццу я добирался в одной машине с братьями.

– Вот опять, – «разорялся» Николай, – наш Алексей после театра развлекаться будет, а нам придётся всюду старших родичей сопровождать, а потом в номере с ними сидеть!

– Свадьбы ещё эти предстоящие! – присоединился к нему Александр. – Ни погулять нормально, ни девок местных пощупать! Лёха, – он повернулся ко мне, – а ты в курсе, что Умберто с Джузеппе вместе с Вилли, Фрицом и Георгом старшие родичи тоже запретили развлекаться предосудительным образом... Ну, ты понял... И если для Виндзора с его запланированной свадьбой с Изабеллой Савойской и так запреты существовали, то вот для итальянцев и немцев это явилось полной неожиданностью.

– Откуда информация? – насторожился я.

– Джузеппе пожаловался, – хмыкнул Александр. – Видимо, старшие родичи молодых людей не хотят опозориться перед остальными главами правящих родов, находящихся сейчас в Монако.

– Скорее всего, – кивнул я.

А про себя подумал, что дело явно не в этом, особенно на фоне того наезда понтифика на норвежцев с недвусмысленным приказом заключить брачный союз между Соней и Умберто. Но почему тогда Вильгельму с Фердинандом запретили ввести разгульный образ жизни? Неужели немцы тоже решили включиться в гонку за норвежской принцессой? Надо будет позже с отцом на эту тему поговорить.

Больше ни о чем важном мы с братьями не разговаривали, а уж когда подъехали к театру, стало совершенно не до этого. Общее мнение решил высказать Николай:

– Хоть какое-то разнообразие. Если раньше нас встречала обычная толпа, то теперь встречает толпа, увешанная бриллиантами.

Действительно, сбылось предсказание Стефании Бурбон – вся площадь перед оперой была занята дамами в роскошных вечерних туалетах и мужчинами во фраках, а в глазах даже через тонировку рябило от сияния всех этих коле, браслетов, сережек, часов и запонок.

– Вот бы сюда нашу отечественную бригаду карманников, – ухмыльнулся Александр. – Чтобы импортным дамам и господам жизнь малиной не казалась.

– Чтобы вороваяк тут прямо и порвали на британский флаг, – отмахнулся Николай. – Эти тётеньки и дяденьки только на первый взгляд все такие добренькие и улыбочивые, а попробуй их собственность тронь и... Ну всё, вот и наша очередь по красной дорожке козликами скакать. – Коляшка пихнул меня в бок. – Ваше императорское высочество, прошу на выход первым.

Подъем по ступенькам лестницы оперы, слава богу, прошел без уже привычных выкриков «Алекс! Алекс!», провокационных заявлений, что от меня хотят ребёнка, и просьб сфотографироваться. Так же спокойно прошел и подъём на второй этаж, где в большом зале нас уже встречали официанты с подносами, на которых стояли бокалы с шампанским. У входа на отдельных столиках лежали аккуратные стопки либретто, распечатанных на лоснящейся бархатистой бумаге. Буквально через минуту к нам присоединились наши девушки, и мы изобразили соответствующие моменту выражения лиц:

– Дамы, мы у ваших ног!

Вечерние платья, затейливые причёски (и когда только успели), макияж, сверкающие драгоценности – наши красавицы были на недосыгаемой высоте! Не сильно выделялась на общем фоне и Елена Панцулая, на шее которой красовалось немаленькое такое коле, а в ушах сверкали сережки из этого же гарнитура.

Как оказалось, наши с братьями восторженные эмоции разделяла и императрица:

– Девочки, прекрасно выглядите, – на лице подошедший царственной бабули блуждала довольная улыбка. – Надеюсь, вам понравится сегодняшней вечер.

Наши красавицы изобразили дружный книксен:

– Конечно, ваше императорское величество!

Не испортило мне настроение и появление лучащегося довольством папы римского – чуйка подсказывала, что господин Сфорца чувствует себя не так хорошо, как хочет показать.

В королевской ложе, предназначенной для Бурбонов, Романовых и Гримальди, мы оказались только через час и реально перекрестились: после появления в зале представителей правящих родов в оперу запустили остальных аристо, и тут началось!.. Граф такой-то с супругой, герцог такой-то с супругой, маркиз такой-то с супругой и с дочкой на выданье, герцог такой-то сыном и внуком, и этот внук тоже «на выданье»! Улыбка буквально прилипла к моему лицу, фамилии и титулы перемешались в голове, а желание было одно – оказаться как можно дальше от этого пафосного шабаша! Видимо, облегчение так явно читалось на моем лице, что усевшаяся рядом со мной в ложе Стефания Бурбон не удержалась от смешка:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.